
Ари Дале
РАЗВОД
ОШИБКА ПРОШЛОГО

Ари Дале
Развод. Ошибка прошлого

https://litres.ru/74791082

Аннотация

— Я и Глеб теперь вместе. Сюрприз! — моя подруга в одном полотенце садится на нашу с мужем кровать. — Что… что ты такое говоришь? Мы с Глебом женаты! — Тебя в детстве не учили делиться? Ты три года за ним замужем. Живешь припеваючи. Ни в чем не нуждаешься. Другие, знаешь ли, тоже хотят!

Муж изменил с лучшей подругой. Я подала на развод и уехала учиться за границу. А когда через два года вернулась, узнала, что все еще замужем. Как мне теперь получить развод, если муж не хочет его мне давать? _____ Властный муж Чувства на грани Измена Предательство подруги

ХЭ обязателен. Вот только для кого?

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ ❤#

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	71
Глава 8	82
Глава 9	95
Глава 10	110
Глава 11	119
Глава 12	128
Глава 13	139
Глава 14	147
Глава 15	157
Глава 16	166
Глава 17	170
Глава 18	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Глава 1

— Стой! — какой-то парень кричит мне вслед.

Я не слушаю. Быстро поднимаюсь по деревянной лестнице загородного дома родителей мужа. В груди радостно трепещет, а руки подрагивают. Джинсы немного сковывают движения, зато зеленая футболка, заправленная за пояс, свободная. Длинные рыжие волнистые волосы лезут в лицо. Откидываю их назад, жалея, что не сделала хвост.

Вечеринка, на которую я не собиралась ехать, в самом разгаре. Люди на первом этаже слушают музыку, пьют, веселятся. Но мне не до них. Я ищу мужа. Один из гостей, лысый парень с татуировками, которого я ни разу не видела, сказал, что Глеб пошел наверх. Поэтому я помчалась наверх. Мне нужно поделиться с мужем радостью. Не могу поверить, что у меня получилось. Аккуратно сжимаю в руке конверт с документами и добегаю до конца лестницы. Не останавливаюсь.

Прохожу мимо однотипных лакированных дверей. Паркет под ногами поскрипывает, а бежевые стены с семейными фотографиями подгоняют идти быстрее. Кусаю нижнюю губу, надеясь, что разговор пройдет хорошо, и Глеб поддержит меня.

Сердце громко стучит. Адреналин несется по венам и отдается шумом в ушах. Губы подрагивают в улыбке, которая

то и дело намеревается появиться на лице.

Нужная дверь в конце коридора приближается. Глубоко вздыхаю, прежде чем открыть ее. Перешагиваю через порог. Хмурюсь. Где Глеб? Спортивная сумка на месте. Стоит неразобранной около окна. Постельное белье на кровати смято. Одежда аккуратно висит на спинке стула. Может, он внизу, а я просто его не заметила?

Разворачиваюсь и уже хочу выйти, как, словно сквозь преграду, до меня доносится шум душа.

Улыбаюсь. Теперь понятно. Дверь в углу комнаты рядом с большими окнами сливается со светлыми стенами, которые почему-то навевают ощущение стерильности. Мама Глеба считает, что свет — это первое, к чему нужно стремиться в доме. Он должен отражаться от всего, поэтому в доме много зеркал и разных лампочек.

Пересекаю комнату. Берусь за металлическую ручку и…

— Да-а-а, — женский стон прорывается сквозь шум душа. — Сильнее. Еще. Давай же.

Замираю. Сердце пропускает удар. Дыхание застревает в груди.

— Ну же! Давай! Жестче, — крик сменяется протяжным стоном.

Ладонь соскальзывает с ручки. Конверт выскальзывает из пальцев.

Не может быть.

Смотрю на дверь. Перед глазами расплывается. Слышу

протяжный мужской стон. Отшагиваю назад. Взгляда с двери не отвожу. Воспоминание о нашей последней встрече с Глебом возникает само по себе.

***

— Я приеду. Просто позже, хорошо? — отхожу к окну и складываю руки на груди. Смотрю на площадку, где по горкам ползают дети. Невольно улыбаюсь.

— Твой брат планировал эту вечеринку два месяца назад, — слышу шаги Глеба, затем скрип дверцы шкафа. — Ладно я. Как ты перед ним оправдываться будешь?

— Я позвоню Леше, — кусаю щеку изнутри, представляя, какой разговор меня ждет. — Просто Алевтина Павловна в другое время не может, а нам нужно обсудить, что делать с моей учебой дальше, — разворачиваюсь и вижу, как Глеб сменяет привычную белую рубашку на такого же цвета футболку, демонстрируя татуировки, которые тянутся по рукам. Темные волосы взъерошены, карие глаза не отрываются от меня.

Он замирает, так и не опустив до конца футболку. Его губы поджаты, глаза прищурены.

— Учебу? — удивление, смешанное с предостережением, наполняет голос мужа.

— Я…

Не успеваю закончить, как Глеб качает головой.

— Не нужно. Я все понял.

Он молчит. Долго. Взгляд проникновенный, осуждающий,

тяжелый. Широкие брови нахмурены. Губы превращаются в тонкие линии. Мне хочется сжаться, а еще попросить прощения. Знаю, мы стали совсем мало проводить времени вместе. В этом виновата только я. Учеба заняла в моей жизни первое место. Все должно было скоро измениться, вот только…

Открываю рот, но не успеваю ничего сказать. Глеб хмыкает. Опускает футболку и выходит из комнаты.

***

Душ выключается. Я тут же прихожу в себя.

Черт!

Рык «убирайся» и шлепающие шаги раздаются за дверью. Они окончательно приводят мои мысли в порядок. Отступаю. Еще шаг. И еще. Разворачиваюсь. Быстро иду на выход. Только переступаю порог, как дверь сзади открывается.

Машинально поворачиваю голову и встречаюсь глазами с девушкой в одном полотенце. Сердце пропускает удар.

Лика — моя лучшая подруга.

Замираю в проходе. Не могу пошевелиться. Такое чувство, будто меня приклеили к месту. С блондинистых волос Лики капает вода, собираясь в лужицу у босых стоп. Голубые глаза девушки ярко блестят. Щеки раскраснелись. Дыхание тяжелое, прерывистое.

Лика видит меня. Останавливается. Недолго смотрит. После чего на ее губах расплывается самодовольная ухмылка.

Она закрывает за собой дверь.

На лице у уже бывшей подруги не отражается ни грамма смущения. Она только склоняет голову к плечу и слизывает каплю с губ.

— Даша, — голос Лики приторно-сладкий. — Что ты здесь делаешь?

Снова улавливаю шум душа. Перевожу взгляд за спину девушки. В груди разливается невыносимая боль. Кажется, что в сердце ножом ударили, а потом еще и провернули несколько раз. Пытаюсь сделать вдох, но он застревает в горле. Прерывисто выдыхаю. Губы подрагивают. Подушечки пальцев холодеют. Приходится стиснуть челюсти и сжать кулаки, чтобы хоть как-то сохранить самообладание.

Перед глазами встает душевая кабина из матового стекла, находящаяся за стеной, где мы с Глебом занимались любовью в первый раз после нашей свадьбы. Помню, как обводила кончиками пальцев завитки его татуировок, пока наслаждение разносилось волнами по телу. А теперь…

Перевожу взгляд на Лику.

— Что я здесь делаю? — впиваюсь ногтями в ладони, пытаясь заглушить режущую боль в груди. — Что ты здесь делаешь? Это спальня моего мужа.

Вдох.

Выдох.

Спокойно. Нужно дышать. Нужно просто дышать.

Вдох.

Выдох.

Возможно, все не так, как я думаю? Вдруг я ошибаюсь?

— Ах да, — Лика проходит вглубь комнаты, оставляя за собой влажные шаги. — Мы с Глебом все не могли найти нужного момента, чтобы сказать тебе, — она бесстыдно садится на кровать, закидывает ногу на ногу и улыбается. — Мы теперь вместе. Сюрприз!

От услышанного сердце пропускает удар. Воздух из груди вышибает напрочь. Колени подгибаются, от чего я чуть не оседаю на пол.

— Что… что ты такое говоришь? — хватаюсь за косяк, чтобы удержаться на ногах.

Мне нужно держаться.

Нужно…

Вдох.

Выдох.

— Я, по-моему, все понятно сказала, — Лика кривит пухлые губы. Теперь они мне стали казаться вульгарными. — Я и Глеб — теперь пара!

— Мы женаты! — выпаливаю. — Какая еще пара?

Боль предательства смешивается с яростью, такой жгучей, что кожа начинает пылать. Сильнее впиваюсь ногтями в ладонь свободной руки.

— И что? — Лика убирает мокрые волосы назад и поправляет узел полотенца. — Тебя не учили делиться? Ты три года за ним замужем. Ни в чем не нуждаешься. Другие, знаешь

ли, тоже хотят!

Задыхаюсь от такой наглости. Не верю, что слышу это от Лики. Мы же с детства вместе. Ходили в один садик. Вместе пошли в первый класс. И в университет тот же поступили. Только на разные факультеты: я на дизайн, а она — на экономиста.

— Что с тобой? Как ты можешь такое говорить? — у меня глаза сейчас, наверное, на блюдца похожи.

Лика криво улыбается и встает с кровати.

— А что не так? — она вальяжно идет ко мне. — Знаешь, как мне надоело смотреть, что ты все на блюдце получаешь? Родители тебя любят. Брат вечно защищает. Мужа тоже вон какого отхватила: красивого, богатого. И член у него… ого-го-го! Так еще свекор со свекровью в тебе души не чают, — Лика останавливается напротив и окидывает меня презрительным взглядом. — Только не пойму, что в тебе есть такого, чего во мне нет? Почему тебе достается все, а мне только мамаша, вечно пашущая на двух работах, чтобы закрыть ипотеку?

Мой рот приоткрывается от удивления. Смотрю на девушку перед собой и не вижу в ней больше подругу, которую знала столько лет. Да, мы в последнее время мало общались, но когда Лика превратилась в стервозную, меркантильную дрянь?

Шум душа затихает.

— Мне нужно поговорить с Глебом, — пытаюсь пройти в

комнату, но Лика стоит у меня на пути.

Смотрю на нее, приподнимая бровь. Она делает шаг назад.

— Иди, — пожимает плечами. — Уверена, он будет «рад» тебя видеть. Особенно после того, как ты снова выбрала вместо него учебу.

Сердце ухает вниз.

Откуда Лика знает? Я только с Глебом об этом говорила.

Имя мужа всплывает в мыслях, а на глаза наворачиваются слезы.

Глеб, как ты мог?

Лика вскидывает бровь, как бы говоря: «Давай же! Иди!», а у меня ноги к полу прирастают. Между мной и спальней будто стена появляется. Не могу я туда войти. Не могу! Разочарованно смотрю на подругу. Когда Лика успела превратиться в суку? Или она всегда такой была?

Разворачиваюсь на пятках и ухожу. Быстро сбегаю по лестнице.

— Даша, ты все-таки пришла! — Лена, жена моего брата, преграждает мне путь. Светлые длинные волосы рассыпаны по ее хрупким плечам, на лице без макияжа играет румянец, а на губах растянута широкая улыбка, которая тут же пропадает. — Что случилось? — ее голубые глаза наполняются тревогой.

Мотаю головой.

— Прости, — всхлипываю, прикрывая рот рукой. — Мне

нужно уехать.

Огибаю Лену. Пытаясь маневрировать среди людей, бегу на выход.

На улице тепло и светло, хоть и вечер. Лето же.

Запах сигарет ударяет в нос. Кривлюсь. Смотрю на двух парней, которые сидят на широких ступенях крыльца и курят. За домом слышен гомон людей, задорный смех. Несколько машин припаркованы на лужайке. Остальные остались за высоким бордовым забором. Моя, в том числе.

— Даша, — слышу за спиной голос мужа. Он тонет в очередном коллективном хохоте, который смешивается с музыкой и подталкивает меня вперед.

Спускаюсь по ступеням, протискиваясь между парней. Бегу по лужайке. Вылетаю за калитку.

Моя красная Хонда припаркована в конце двух рядов автомобилей. Хорошо, что никто не успел ее подпереть. Добираюсь до машины в считанные секунды. Вытаскиваю ключ из переднего кармана джинсов. Нажимаю на кнопку. Как только слышу писк, сразу запрыгиваю внутрь. Вставляю ключ в замок зажигания и смотрю на лобовое стекло.

Глеб выходит из калитки. Осматривает машины. На лице нечитаемое выражение.

Его волосы влажные.

Из глаз снова брызгают слезы.

Закусываю губу.

Завожу двигатель.

Глава 2

Два года спустя

— Дамы и господа, просьба оставаться на своих местах и пристегнуть ремни. Наш самолет заходит на посадку, — произносит бортпроводница через громкоговоритель, вызывая шорохи, скрипы и гул голосов.

В иллюминаторе виднеется предрассветное небо. Солнце встает над горизонтом. Низенькие домики Подмосковья перемешиваются с деревьями, деревушки — с реками и деревьями. То там, то здесь замечаю купола церквей. Людей не видно, но я уверена в пять утра на улицах их немало. Особенно в Москве. Иногда мне кажется, что она никогда не спит.

В груди колет. Тру ее через тонкую ткань бордовой блузки. Не думала, что вернусь так скоро. После всего случившегося хотелось остаться в Лондоне. Там спокойно, хоть и холодно. Но мне такая погода, наоборот, нравилась. Она соответствует тому, что происходит у меня внутри.

Пожилой полноватый мужчина в синем клетчатом костюме начинает возиться рядом. Я подвигаюсь ближе к стене, чтобы дать ему больше пространства для маневра. Когда он находит ремни безопасности и пристегивается, сажусь удобнее, делая то же самое.

Откидываюсь на спинку сиденья. Протяжный выдох сле-

тает с моих губ. Закрываю глаза.

Воспоминания о муже невольно всплывают в памяти. Словно наяву вижу его карие глаза. Глубокую морщинку между бровей, которая появлялась, когда он хмурился. Пальцы свербит от желания почувствовать мягкость волос, колючесть щетины. Хочется увидеть, как жесткий взгляд смягчается только для меня, а складка между бровей разглаживается.

У нас было не все гладко. Иногда мы ссорились. Он засиживался на работе, я задерживалась на учебе. В последнее время мы почти не виделись. Найти время на друг друга почти никогда не получалось. Но это же не повод изменять?

Образ Лики в одном полотенце вспыхивает в мыслях. Избавляюсь от него сразу же, но желудок все равно скручивает, а глаза начинает жечь. Вот чего я не ожидала, так того, что она так жестоко со мной поступит. После стольких лет дружбы.

Сильнее зажмуриваюсь и распахиваю веки. В выключенном мини-телевизоре на спинке сиденья передо мной замечаю свое отражение. Из пучка выбилось несколько кудрявых прядей. Лицо немного осунулось от усталости. А глаза полны печали и тревоги.

Опускаю взгляд на руки, лежащие на обтянутых узкими светло-голубыми джинсами бедрах.

Первое время я не могла привыкнуть к отсутствию кольца. Машинально тянулась к руке, когда нервничала — рань-

ше крутя его на пальце, я всегда успокаивалась. Через какое-то время эта привычка исчезла. Точнее появилась другая. Выступая с докладом или защищая очередной проект, приходилось хвататься за первые попавшиеся предметы. В ход шло все: карандаши, линейки, ручки, которые я постоянно вертела между пальцами.

Мне казалось, боль, причиненная бывшим мужем, утихла. Слезы перестали литься из глаз каждую ночь. До сих пор помню, как кусала одеяло, чтобы заглушить всхлипы. Я снова стала улыбаться, а в последний год даже прекратила закапываться в книжках. Хоть у меня не было серьезных отношений в Лондоне, но на парочку свиданий я все-таки ходила.

Вот только чем ближе становится аэропорт, тем сильнее стягивается все внутри. Легкие жжет, горло сжимается. Меня начинает трясти. Стараюсь глубоко дышать. Впиваюсь пальцами в бедра. Отгоняю непрошеные мысли. Но одна, особо навязчивая, не хочет заталкиваться подальше.

«Он так и не попытался со мной связаться».

В тот день Глеб не вернулся ночевать домой.

Его не было всю неделю.

Я то и дело брала дрожащими пальцами телефон, намереваясь набрать номер мужа. Или хотя бы написать. Спросить: «За что он так со мной?» Но так и не решилась.

Это время в моей памяти покрылось туманом. Помню лишь, как брат привез документы, оставленные в доме. Посмотрел на мое заплаканное лицо и обнял. Я разрыдалась у

него на груди. Он ничего у меня не спросил, а я сама не захотела говорить. Слова застряли где-то в горле. Мне было достаточно его крепких, защищающих объятий. Он сидел со мной на диване, гладил по спине и говорил, что все будет хорошо, несмотря ни на что.

Я ему поверила.

Поддержка родного человека помогла мне немного прийти в норму. После чего моя жизнь превратилась в сплошную суету: я на автомате собирала вещи, оформляла документы, подавала заявление на развод. А потом улетела.

Уже стоя в аэропорту, я написала мужу огромное полотно и отправила в Telegram. Он не ответил. До сих пор.

Радостные аплодисменты вырывают меня из пучины мыслей. Снова смотрю в иллюминатор и вижу взлетную полосу. Москва…

Люди начинают подниматься со своих мест, я тоже следую их примеру. Выбираюсь в проход вслед за моим соседом и встраиваюсь в очередь. Из ручной клади у меня только небольшой черный рюкзак, чемодан я отправила в багаж. Поэтому, пройдя таможенный контроль, иду за своими вещами. Мне везет, мой темно-синий чемодан на колесиках появляется на ленте одним из первых. Забираю его и двигаюсь по просторным, светлым коридорам аэропорта к нужному выходу. По пути слышу объявления, доносящиеся из громкоговорителя, на разных языках. Меня пару раз толкают в плечо, спешащие куда-то люди. Надеюсь, что их ждут близ-

кие. Потому что если они так несутся по аэропорту, это както грустно. Мои шаги перемешиваются с множеством других, пока стеклянные двери не разъезжаются передо мной.

В толпе встречающих сразу замечаю рыжую макушку. Улыбаюсь во весь рот, когда появляется вся голова — брат, видимо, поднялся на носочки. Огибаю людей, идущих впереди, и бросаюсь в раскрытые объятья. Леша тут же прижимает меня к себе.

— Привет, мелкая. Как же давно мы не виделись, — он отрывает меня от земли. Кружит.

Я едва успеваю разжать пальцы, чтобы отпустить ручку чемодана, чтобы не запульнуть его в случайного человека.

— А ну, поставь, где взял! — говорю шутливо-приказным тоном, чем вызываю у брата смешок. Но он все-таки слушается меня: отпускает, немного отстраняется и с прищуром вглядывается в мое лицо. Его губы смешно поджимаются, а широкие брови изгибаются.

— Неужто ты подросла?

Я прыскаю и легко бью его кулаком в плечо, обтянутое грубой тканью черного пиджака.

— Пусти, — качаю головой, широко улыбаясь. — Вроде уже под тридцатку, а ведешь себя, как дите малое.

Леша улыбается во все тридцать два зуба. Зеленые глаза блестят весельем.

— Мне на работе приходится быть серьезным дядькой, могу я хоть с родной сестрой расслабиться? — он тянется

ко мне, чтобы взъерошить волосы, как делал всегда, пытаясь меня взбесить. Еле успеваю увернуться, не давая ему навести беспорядок на голове.

Грозно смотрю на брата.

— Разве может «дяденька» в строгом деловом костюме, — нарочито медленно провожу по брату взглядом, — издеваться над сестрой? — хмурюсь. — Кстати, а куда ты так вырядился? Разве у тебя сегодня не выходной? Суббота же.

Беззаботная улыбка исчезает с лица Леши. Он поджимает губы, а в глазах появляется беспокойство. У меня появляется нехорошее предчувствие.

— Николай Петрович позвонил и попросил срочно приехать, — брат запинается и на мгновение отводит взгляд. Мое сердце пропускает удар, когда я слышу имя отца бывшего мужа. Хотя это он заманил меня обратно в Москву, но все равно больно. — Тебя тоже он сказал привезти.

Мой рот открывается в немом удивлении. В груди спирает. Переплетаю пальцы перед собой, пытаясь унять дрожь.

— Что случилось? — выдавливаю из себя. Голос звучит глухо, будто мне кто-то перекрыл дыхание.

— Не знаю, — Леша пожимает плечами, как бы подтверждая свои слова. — Форс-мажор какой-то, — он старается говорить спокойно, но при этом я замечаю в его глазах промелькнувшее беспокойство.

— Домой заехать не успеем? Я хотя бы душ приму, переоденусь и с родителями поздороваюсь, — умоляюще смотрю

на брата, но особой надежды не испытываю.

Он качает головой и тянется за чемоданом. Обхватывает ручку, подтягивая ее к себе.

— Николай Петрович попросил как можно быстрее приехать, — Леша снова заглядывает мне в глаза. — Но ты не расстраивайся сильно. Мамы с папой все равно дома нет. Они только вечером появятся.

Разочарованно вздыхаю. Плечи опускаются.

— Ладно.

Мы в рекордно короткий срок выходим из аэропорта, нас не задерживают ни шныряющие туда-сюда люди, ни наглые таксисты у входа. Направляемся к парковке и почти сразу натыкаемся на серый Мерседес брата. Пока Леша засовывает чемодан в багажник, я забираюсь на переднее сиденье. Ставлю рюкзак на колени и ежусь. Ранним утром в салоне немного прохладно, даже несмотря на середину весны. Жалею, что в аэропорту не достала из чемодана что-то теплое. Хорошо, что Леша быстро появляется и включает печку.

Задерживаю взгляд на его руке, вставляющей ключ в замок зажигания. На безымянном пальце так же, как и на моем, нет кольца.

— Что у вас с Леной случилось? — вырывается из меня быстрее, чем успеваю себя остановить.

Леша замирает. Его рука зависает над рулем, а профиль становится жестким.

Ему требуется секунда, чтобы прийти в себя. Он смотрит

в зеркало заднего вида, нажимает на педаль газа и выезжает с парковочного места. Нам приходится много раз останавливаться, чтобы случайно не врезаться в обгоняющую нас машину или переходящего в неположенном месте пешехода, но, в итоге, мы выезжаем на автомагистраль.

— Мы поговорим об этом, когда расскажешь, что у вас с Глебом произошло, — тихо произносит брат, когда мы встраиваемся в поток машин на дороге.

Меня будто по лицу ударяют. Цепляюсь сильнее в рюкзак, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Зато я отлично понимаю, какую глупость сморозила.

Отворачиваюсь, крепче прижимаю рюкзак к себе и перевожу взгляд на окно. Наблюдаю за обгоняющими нас машинами. За ними тянется полоса из деревьев, притягивающая меня своей темнотой. Они настолько плотно стоят друг к другу, что кажется, между ними нет просвета. Свист ветра слышен даже в салоне машины, несмотря на плотно закрытые дверцы. Как и гул сразу нескольких клаксонов, доносящийся от машин, едущих сзади. Возможно, что-то там произошло, но я не оборачиваюсь. Пытаюсь очистить мысли от образов дня, когда разбилось мое сердце. Оно до сих пор не стало цельным.

— Серьезно, Дашик. Ты так быстро уехала за границу. Ни с кем толком не поговорила, — Леша произносит каждое слово размеренно, будто пытается подобрать нужное. — Глеб тоже отмалчивается. Что бы ни случилось…

— Хватит! — жестко прерываю его, не отводя взгляда от пейзажа за окном. Не хочу, чтобы Леша видел, как мои глаза наполняются слезами. Все еще больно. — Я сглупила, когда спросила тебя о Лене. Это ваше личное дело. Не нужно рассказывать. Но пожалуйста, давай не будем говорить о… Глебе, — его имя произношу почти шепотом. Именно оно может толкнуть меня за грань.

Слышу тяжелый вздох. Замираю. Если он сейчас попытается выведать у меня подробности, истерики не миновать. Она уже подкатывает к горлу, а забота брата и желание помочь только подталкивают ее выбраться наружу.

Леша какое-то время молчит, после чего снова вздыхает.

— Ла-а-адно, — тянет он. — Если захочешь поделиться, я рядом. Помни об этом, пожалуйста, — дожидается моего кивка. Это все, что я могу из себя выдавить, чтобы не разрыдаться. — Музыку?

Снова киваю. Переплетаю пальцы, обнимая рюкзак, и сжимаю их чуть ли не до боли. Лбом прислоняюсь к холодному стеклу. Меня даже не волнует, что оно немного подрагивает, потому что я закрываюсь в себе. Если одно упоминание о Глебе вызывает невыносимую агонию, из-за которой становится трудно дышать, что будет, когда мы встретимся? Москва — слишком маленький город, чтобы держать нас подальше друг от друга, как бы мне этого хотелось. Не сомневаюсь, что вмешается судьба-злодейка и столкнет нас друг с другом в самый неподходящий момент.

Однажды мне показалось, что я увидела Глеба в коридоре колледжа в Лондоне. Я разговаривала с профессором, который решил меня похвалить за отличный доклад. Как ни с того ни с сего, я увидела Глеба за его спиной. Резко замолчала. Улыбка исчезла с моего лица. Но стоило моргнуть, бывший муж исчез. Это было всего лишь видение, а у меня весь день пошел насмарку. Профессор, который у меня как раз должен был читать лекцию, даже домой отправил, подумав, что я заболела. Сколько слез из меня вылилось в тот день, не сосчитать. Утром я проснулась разбитая. Пришлось собирать себя по осколкам. Снова.

Постепенно успокаиваюсь. Помогает то, что Леша начинает говорить о всяких пустяках. Узнаю, что родители, наконец-то, купили дачу — это было их мечтой, а теперь пропадают там по выходным. Немного спутанно и как-то неохотно брат рассказывает о своей работе — он адвокат. Когда я задаю уточняющие вопросы по поводу его юридической фирмы, Леша почему-то переводит тему на мою учебу. Я ему позволяю. У меня нет сил выпытывать у брата подробности, которыми он явно не хочет делиться. Поэтому спокойно отвечаю на вопросы о кампусе, общежитии, программе. Объясняю, что прилетела ради большого проекта, который станет моей дипломной работой.

За разговорами время пролетает незаметно, и мы подъезжаем к высотке, сделанной полностью из тонированного стекла. Леша заезжает на подземную парковку — шлагбаум

поднимается самостоятельно. Брат останавливается недалеко от лифтов.

Оставляю рюкзак в машине, предварительно достав телефон и сделав в голове пометку, что нужно купить новую симку, после чего мы поднимаемся на двадцать пятый этаж.

Стоит створкам лифта разъехаться, выходим в просторный холл, оформленный в бежево-коричневых тонах. Из него в противоположные стороны тянутся два коридора. Но нам туда не нужно. Леша ведет меня к двери напротив лифтов — в приемную, за которой скрывается кабинет директора.

Мы без стука входим в небольшое помещение. Сразу натыкаемся на деревянный стол, заваленный бумагами. Их так много, что они закрывают даже клавиатуру открытого ноутбука. Черное офисное кресло пустует, а окно за ним завешено светло-коричневыми жалюзи. Аромат кофе наполняет комнату.

— Наконец-то, — сбоку из-за перегородки в виде пустых квадратиков выходит темноволосая девушка в синем костюме, состоящем из пиджака и юбки. В руках она держит поднос с двумя белыми чашками. Останавливается рядом с нами, бросает на меня мимолетный взгляд, после чего осуждающе смотрит на Лешу. — Николай Петрович тебя заждался.

— Я не мог приехать раньше, — брат ощетинивается и поджимает губы.

Девушка хмыкает и проходит мимо, направляясь к двери

напротив. На ней замечаю золотую табличку с выгравированной надписью: Тихонов Н.П., директор. Как я понимаю — это новая помощница Николая Петровича. Она заходит в кабинет шефа, оставляя дверь открытой.

Брат вздыхает и подталкивает меня к ней. Я поддаюсь. Но стоит мне сделать пару шагов, как замираю в проходе. Сердцебиение ускоряется, глаза расширяются. Забываю, как дышать.

Взглядом встречаюсь с карими глазами бывшего мужа.

Глава 3

Делаю шаг назад, но натыкаюсь на «стену». Оборачиваюсь. Брат стоит за спиной и не дает уйти. Он наклоняется к моему уху.

— Всё хорошо? — его шепот разносится эхом в моей голове.

Не могу поверить, что судьба может быть настолько жестока. Ноги становятся ватными, и я тяжело сглатываю, когда перевожу взгляд обратно на Глеба.

Надо признать, что он, сидя в темно-сером костюме на коричневом диване рядом со своим отцом, выглядит удивленным. Оба мужчины очень похожи. Даже деловые костюмы выбрали одного цвета. Только у того, который сидит чуть дальше, в темных волосах поблескивает седина. Перед ними на стеклянном журнальном столике разбросаны бумаги, ватманы, ручки, карандаши. Помощница Николая Петровича встает между двух стульев напротив мужчин, чуть подвигает бумаги и ставит чашки с кофе на край стола. После чего выпрямляется и, глядя на шефа, отходит в сторону.

— Даша! — Николай Петрович взмахивает руками.

Он широко улыбается. Складка на его лбу разглаживается, когда у Глеба, наоборот, появляется. Николай Петрович вскакивает с дивана, обходит столик и резво направляется ко мне.

Я не успеваю пискнуть, как он притягивает меня в медвежьи объятья. Так сильно сжимает, что становится трудно дышать. Но я не обращаю внимания на небольшой дискомфорт, потому что не могу отвести взгляда от Глеба.

Выражение его лица становится жестким. Он поджимает губы, хмурит брови и смотрит на меня, будто я по меньшей мере враг.

— Как же я рад тебя видеть! — Николай Петрович отодвигается и осматривает с ног до головы, прежде чем снова восхищенно взглянуть. — Ты совсем не изменилась. Только немного повзрослела.

Не могу сдержать смешок и, наконец-то, прерываю зрительный контакт с бывшим мужем, краем глаза замечаю, как он сминает бумагу, которую держит в руке.

— Я тоже рада встрече с вами, — улыбаюсь отцу Глеба, замечая, что морщинок вокруг его глаз стало больше.

— Сколько раз тебя просить называть меня папой? — он натягивает на лицо напускную обиду, а мое сердце болезненно сжимается.

Когда-то я его так называла. Но, кажется, это было в прошлой жизни.

— Что случилось? — брат подходит к нам, кладет руку мне на спину в знак поддержки. — Почему вы нас так срочно вызвали?

Я благодарна за то, что он перевел тему. Мне, и так, приходится подавлять желание посмотреть на Глеба. Хочется

узнать, изменилось ли в нем что-то. Увидеть, каким он стал. Услышать ответ на главный вопрос: «Почему?». Но вместо этого я не отвожу глаз от Николая Петровича, который резко меняется в лице. Дружелюбность превращается в тревогу с толикой злости. Они добавляют Николаю Петровичу возраста. Теперь передо мной не статный мужчина, который в строительном бизнесе собаку съел, а человек, на чьи плечи свалилось слишком много забот. Только сейчас замечаю, что Николай Петрович выглядит уставшим. У него появились мешки под глазами, а щетина покрыла подбородок и щеки, хотя свекор раньше всегда гладко брился.

— Пойдемте, — Николай Петрович берет меня за руку и заводит в кабинет. Брат идет следом.

Беглый взгляд по небольшому пространству дает понять, что всё осталось прежним. Тот же дубовый стол в углу рядом с окном. Удобное кожаное офисное кресло за ним. Сбоку шкаф с документами, подпирающий стену. Три картины с пейзажами, которые Николай Петрович безумно любит, висят также на бежевых стенах.

Чувствую взгляд Глеба, прожигающий меня. Но намеренно избегаю его. Он переворачивает всё внутри и вызывает желание исчезнуть навсегда. Я знала, что наша встреча не пройдет гладко, но не думала, что будет настолько тяжело. Густой воздух оседает в груди и не дает нормально вздохнуть. Слезы подбираются к глазам. Мне кое-как удается их сдерживать. Но уверена, одно неосторожное слово прорвет

плотину, которую я сохраняю из последних сил.

Николай Петрович подводит меня к журнальному столику и отодвигает ближайший стул. Как раз в этот момент его помощница закрывает дверь кабинета с другой стороны. Как только хлопок отражается от стен, понимаю, что попала. Я осталась в одном помещении с бывшим мужем. Хорошо, что не наедине. Но крупная дрожь всё равно проходится по телу.

Вот только выбора нет. Сажусь на жесткую сидушку. Хватаю первую попавшуюся ручку со стола и крепко ее сжимаю.

Мне нужно немного времени, чтобы успокоиться.

Николай Петрович занимает свое прежнее место, а Леша плюхается на стул рядом со мной. Брат недолго думает, прежде чем ладонью накрывает мои руки, лежащие на бедрах. Это придает дополнительной силы, но ее недостаточно. Воспоминания, которые я так старательно гнала от себя, прорываются сквозь истончившийся барьер.

— У нас проблема, — Николай Петрович переворачивает ватманы ко мне лицом, это привлекает мое внимание. Чашки опасливо пошатываются, но всё-таки остаются стоять на столе нетронутыми.

Профессиональным взглядом прохожусь по чертежам, но не вижу ничего особенного. Нахмурившись, смотрю на бывшего свекра. Он превратился в истинного бизнесмена. Черты лица строгие, взгляд решительный.

— Этот проект мы должны сдать через две недели, — Николай Петрович откидывается на спинку дивана, а я краем

глаза замечаю Глеба, который натянут, как струна. — Почти всё было готово. Оставались последние штрихи, но его слили. Главному конкуренту, — он стискивает кулаки. — Я ночью узнал, что они представили его вчера утром.

По мере рассказа мои брови всё больше ползут вверх, а глаза расширяются.

— Кто? — Леша озвучивает мой вопрос.

— Это нам с тобой и нужно узнать, — голос Глеба, наполненный хрипотцой, которую я так любила, пускает волну мурашек по телу.

Кожа становится настолько чувствительной, что легкая ткань блузки начинает раздражать. Вытаскиваю руки из-под хватки брата и провожу по предплечьям ладонями в надежде избавиться от свербящего ощущения. Не помогает. Чтобы немного успокоиться, начинаю крутить ручку между пальцев.

— А почему я здесь? — непонимающе смотрю на Николая Петровича, параллельно в голове делая пометку спросить брата, что значит «нам».

— У меня есть на примете подходящий архитектор, который сделает новый проект отеля, — Николай Петрович бросает взгляд на чертежи, лежащие на столе, и качает головой. — Я ему полностью доверяю. Мы уже много лет работаем вместе. Он никогда меня не подводил. А вот дизайн-проект мне некому доверить. Сейчас все в компании под подозрением. Поэтому я хочу попросить о помощи тебя.

Открываю рот, не веря своим ушам.

— Вы… я… я же должна была заняться дизайном офиса вашего друга. Целый отель… — у меня заканчивается запал. Внутри всё сковывает от страха и… предвкушения. Но сомнения оказываются сильнее. — Я даже обучение не закончила…

— Дашенька, — Николай Петрович протягивает мне руку через стол.

Не могу его проигнорировать, поэтому вкладываю пальцы в огромную ладонь. Он сразу же сжимает их.

— Я видел твои работы еще во время учебы в России, поэтому предложил тебе место в своей компании, — он, пытаясь успокоить меня, поглаживает большим пальцем тыльную сторону моей ладони. — Уверен, ты за последние два года прокачала свои навыки еще больше. Если мы сейчас будем искать сторонних подрядчиков, то потеряем слишком много времени, которого, и так, в обрез. А тебе я доверяю.

В груди разливается тепло. Мне важно, что Николай Петрович признал мои заслуги. И я хочу помочь ему. Открываю рот…

Звонок телефона прерывает меня. Машинально опускаю взгляд на стол, когда Глеб вытаскивает телефон из-под бумаг. Замечаю лишь светлые волосы на экране, но у меня скручивает всё внутри, а волна боли заливает тело с ног до головы.

Глеб сбрасывает вызов и начинает что-то быстро набирать

на экране. Не могу отвести взгляда от его длинных пальцев, ловко скользящих по гладкой поверхности.

Вдохнуть удается с трудом.

— Ну что? Возьмешься? — Николай Петрович чуть тянет меня за руку, привлекая мое внимание.

Это предложение — сбывшаяся мечта. Ни один выпускник не сможет переплюнуть проект такого масштаба. Но в то же время я понимаю, что если отвечу согласием, то придется часто пересекаться с бывшим мужем. Я этого не вынесу.

Едва заметно качаю головой. Плечи Николая Петровича опускаются. Я тут же жалею о своем решении. Свекор всегда был добр ко мне, и вот чем я отплатила? Неважно, через что мне придется пройти, но я должна помочь ему.

Не успеваю озвучить свои мысли, как грубые пальцы хватают мое запястье. Меня буквально выдергивает с места.

Глеб разворачивается. Вытаскивает меня сначала из кабинета, а потом из приемной. Толкает в стену возле двери и нависает надо мной, упираясь рукой над моей головой.

— Какой же неблагодарной сукой ты стала! — выплевывает мне в лицо.

Его глаза наливаются жесткостью.

Холодок бежит по коже, а я теряю дар речи.

Глаза бывшего мужа сверкают презрением. Глеб морщится, будто ему неприятно находиться рядом со мной. Между нами почти нет свободного расстояния. Я чувствую его горячее дыхание у себя на лбу и не могу избавиться от ощуще-

ния, будто попала в ловушку.

Но больше всего меня шокируют его слова. Они резкие, жестокие. Впиваются лезвиями в нежную плоть сердца, заставляют кровоточить еще не затянувшиеся раны.

— И тебе привет, — толкаю Глеба в грудь, но он не сдвигается даже на миллиметр.

Сдерживаюсь из последних сил, чтобы сохранить лицо. Нам нужно поговорить, установить правила, как существовать вместе в одном пространстве, пока я буду помогать его отцу, но точно не здесь и не сейчас. В любой момент кто-то может появиться в коридоре, а прилюдную сцену я устраивать не собираюсь. Вот только, кажется, мое самообладание лишь раззадоривает Глеба. Он вскидывает бровь, поднимает руку и подушечками пальцев касается моей скулы.

Одергиваю голову. Бросаю на бывшего мужа гневный взгляд.

— Не прикасайся ко мне, — шиплю сквозь стиснутые зубы.

— А то что? — коварная ухмылка растягивается на губах Глеба, в его глазах появляется азарт.

Для меня же его высокомерное отношение становится будто ушатом холодной воды, вылитой на голову. Нервы натягиваются. Воспоминания о его измене вспыхивают в голове. Единственное, чего я хочу сейчас, — послать его куда подальше и больше никогда не видеть. Меня задерживает только Николай Петрович, которому я действительно мно-

гим обязана.

Поэтому я решаю расставить все точки над «и».

— Глеб, между нами всё кончено. И давно. Давай вести себя как цивилизованные люди, — набираю в легкие побольше воздуха, пробуя успокоить усилившееся сердцебиение. — А что касается Николая Петровича, думаю, мы сами с ним разберемся.

Глаза бывшего мужа на секунду сужаются, прежде чем снова стать нормальными.

— Отец не прав, — Глеб хмыкает и засовывает свободную руку в карман брюк. — Ты изменилась. Прежняя Даша уже разрыдалась бы. А еще прежняя Даша никогда бы не оставила в беде человека, который столько для нее сделал.

Снова толкаю бывшего мужа в грудь, на этот раз он отстраняется, позволяя мне освободиться от оков его тела. Отхожу немного в сторону, но всё равно ощущаю терпкий с перчинкой аромат духов Глеба. Невольно вспоминаю, как выбирала их на наш первый Новый год. Мы были так счастливы. Глеб обнимал меня, лежа на диване, пока мы запоем смотрели Гарри Поттера. У окна стояла мигающая разноцветными огнями елка. А на полу остался недоеденный тазик оливье. Да, банально, но я всегда считала этот день одним из лучших в моей жизни.

Через год всё полетело к чертям. Счастливые воспоминания оказались залиты черной краской измены.

Беру себя в руки, разворачиваюсь, гордо поднимаю под-

бородок и смотрю Глебу в глаза.

— Ты прав, прежней Даши больше нет, — сжимаю в кулаке ручку и слышу ее треск. — Она исчезла два года назад.

— Я заметил, — Глеб стискивает челюсти.

— Заметил, но не понял. Я больше не позволю тебе вытирать о себя ноги, — превозмогая желание запереться в «раковине», делаю шаг к бывшему мужу. — Ты больше не имеешь никакого права мне приказывать, что делать и когда.

Глеб чуть наклоняется.

— Вот тут ты ошибаешься, — он шепчет мне в губы.

От уверенности, наполняющей каждое его слово, становится не по себе. Дыхание прерывается. Бегаю взглядом по довольному лицу бывшего мужа. Кажется, от меня что-то ускользает, а я не знаю, что ловить.

— О чем ты? — спрашиваю слабым голосом.

Когда один уголок губ Глеба ползет вверх, готовлюсь к худшему…

Громкий писк заставляет меня вздрогнуть. Перевожу взгляд на лифт, створки которого медленно разъезжаются. Первыми вижу стройные ноги в черных колготках и туфлях на высоченных шпильках. Следом в глаза бросается красное платье. По женской груди с глубоким декольте струятся длинные светлые волосы…

Когда смотрю на лицо, уже знаю, кого увижу, — из лифта выходит Лика. Кожа немного темная, глаза подведены черным карандашом, только губы бледно-бежевые.

Лика видит меня. На мгновение замирает, после чего торжествующая улыбка искажает ее с виду идеальное лицо. Она больше не смотрит на меня. Ее внимание переключается на Глеба. Лика, виляя бедрами, идет к нам. Останавливается рядом с нами всего на секунду. И то только для того, чтобы втиснуться между нами и обнять Глеба за шею.

— Привет, милый, — блеет она приторно-сладким голоском, прежде чем поцеловать моего бывшего мужа.

Глава 4

Ручка под нажимом пальцев разламывается пополам. Острые края впиваются в ладонь. Боль разносится по телу, но я не реагирую.

Не могу отвести взгляда от кошмара, который мучил меня последние два года. Вот только сейчас он перенесся в реальность, и от него не получится сбежать, проснувшись. Отчаяние сковывает тело. Не дает пошевелиться. Сделать вдох. Оно вызывает агонию, которая проносится по венам и выжигает меня изнутри.

Бессонные ночи в Лондоне всплывают в памяти.

Бесконечные слезы часто заканчивались тем, что я не могла уснуть. Сидела на подоконнике и смотрела на старинные здания университета. Они утопали в темноте, из-за причудливых теней вызывая ассоциацию с замком «Дракулы». По мощеным дорожкам проходили редкие люди. Газоны, на которых в солнечные деньки любили учиться студенты, пустовали. Иногда где-то вдали раздавался смех или громкие голоса, но в основном меня окружала тишина. Именно в ней вопросы, не дающие спокойно спать, становились слишком громкими и не хотели покидать мою голову.

А что если я ошиблась? Вдруг в душе тогда был не Глеб? Может быть, я поспешила и сделала неправильные выводы?

Мы же в тот момент любили друг друга. Да, в последнее

время мы отдалились, но чувства просто так не могут исчезнуть.

Наша история началась банально: девочка-подросток влюбилась в друга старшего брата, который ее не замечал. Вот только в итоге она выросла и пройти мимо нее становилось все сложнее. Хотя нужно признать — Глеб сопротивлялся до последнего. Сестер друзей трогать нельзя. Такой пункт есть же в «мужском кодексе»?

Как бы Глеб ни пытался держаться от меня подальше, судьба-злодейка то и дело сталкивала нас. Сначала Лика уговорила меня вступить в студенческий совет, где председателем оказался Глеб. Потом мы вместе организовывали выступление команды КВН от нашего университета. Глеб занимался организацией, а я — декорациями. Мы очень сблизились, работая вместе по ночам. Даже, можно сказать, подружились. Узнали, что у нас много общего: начиная с обычных вещей, как вселенская любовь к эклерам со сгущенкой, заканчивая просмотрами боксерских матчей, чтобы немного выпустить пар. Последней каплей, которая толкнула нас в «океан любви», стала поездка в Питер. Музеи, старинные улочки, поцелуи под дождем…

Глеб стал для меня первым во многих смыслах. И я так надеялась, что он будет последним. Поэтому в одну из бессонных ночей убедила себя, что сглупила, поддавшись эмоциям и сбежав. Набрала номер, который в порыве гнева удалила, но помнила наизусть. Слушала гудок за гудком. Никто

не ответил.

У Глеба никогда не было социальных сетей, он считал их «пожирателями времени». Зато друзья брата не брезговали Инстаграмом. Их сторис из сауны рассказали мне многое и нанесли очередную рану. До сих пор помню девушку, сидящую на коленях у Глеба. Ее длинные черные волосы закрывали спину. И я не уверена, что кроме голубых трусиков от бикини на ней что-то еще было.

Но даже после увиденного, у меня оставались сомнения. Вопросы, которые начинались с «А что если…», съедали меня изнутри.

Вот только прямо сейчас они рассыпаются, как осколки от лопнувшего пузыря. Я замечаю взгляд Глеба… Он целует другую и смотрит на меня. Пристально. Красноречиво. Жаляще.

В его глазах читается: «Ты больше для меня никто».

Разжимаю пальцы. Остатки ручки падают на пол. Опускаю взгляд. Наблюдаю, будто в замедленной съемке, как они подпрыгивают. Вместе с ними перед глазами мелькают воспоминания.

Наша поездка в горы, на которой я простыла, и Глеб отпаивал меня горячим чаем с медом, сидя на краю кровати…

Его ночные задержки на работе из-за очередного сложного дела, когда я приносила ему еду, потому что он вечно забывал поесть…

Моя прогулка с подругами, и неожиданное появление

Глеба в черном костюме и с букетом ромашек. Он почти сразу убежал по делам. Зато визг девочек еще долго стоял в ушах…

Части ручки застывают на полу, и, кажется, вместе с ними останавливается мой мир. Но он снова начинает нестись с удвоенной скоростью, когда я замечаю, что Лика поворачивается. Ее туфли становятся носками ко мне, заставляя вздернуть голову.

Встречаюсь с бесстыжими глазами бывшей подруги, в которых пляшет торжество. Ее губы изгибаются в злорадной ухмылке, она чуть наклоняет голову к плечу, обводя меня взглядом.

— Давно не виделись, Даша, — вдоволь насмотревшись и хмыкнув, Лика становится и прижимается плечом к Глебу. Обхватывает его руку на сгибе локтя. Глеб не пытается высвободиться. — Как поживаешь? — голос Лики полон напускной дружелюбности, перемешанной с сарказмом.

Если бы я могла говорить, то потеряла бы дар речи. А так ничего не меняется. Я смотрю на Лику и хлопаю глазами, пытаясь понять, как я пригрела такую змеюку на груди. Режущая боль в груди сменяется обжигающей яростью.

Перевожу взгляд на Глеба. На его губах остался след от розовой помады. Отвращение прокатывается по телу — он даже не пытается стереть метку другой женщины. Просто стоит и смотрит на меня, будто хочет насладиться болью, которую причиняет мне. Это подливает масла в огонь, пылающий во

мне. От искорок надежды остается лишь пепел.

Сердце, которое до этого билось как сумасшедшее, выравнивает свой ритм. Боль уходит на задний план, как и ярость. В груди остается только огромная дыра. Лишь бы не наполнить ее тьмой, как однажды сделал граф «Дракула».

— И это я сука? — смотрю на Глеба, как на пустое место, после чего пожимаю плечами. — А знаешь… даже если так. Кажется, ты только таких женщин и притягиваешь.

Бывший муж поджимает губы. Пальцы его свободной руки сжимаются в кулак.

Краем сознания улавливаю шокированный вдох, который пропитан фальшью. Как и девушка, его издавшая.

Но все это становится неважно, когда дверь за спинами любовников распахивается. Они оборачиваются. На пороге сначала появляется рыжая макушка Леши, а потом и он сам. Брат быстро оценивает ситуацию. Выражение его лица ожесточается.

— Какого хрена здесь происходит? — голос Леши больше напоминает рык зверя, который готов вцепиться в глотку врагам, посмевшим напасть на его стаю.

Таким злым я брата еще не видела!

Леша обходит «сладкую парочку», оттаскивает меня от них и загораживает своей спиной. На Лику не смотрит, зато от Глеба не отрывает взгляда. Не сомневаюсь, что свирепого. Руки брата сжаты в кулаки. Спина напряжена, немного сгорблена. Плечи приподняты. Кажется, он вот-вот бросится

на моего бывшего мужа.

Хватаю его за запястье и тяну на себя. Мне не нужна драма. Пусть катятся лесом и Глеб, и его любовница. У меня своя жизнь, а они друг друга стоят. Вот только Леша не поддается. Наоборот, вырывает руку и делает шаг к Глебу.

— Я тебя спрашиваю, что за цирк ты тут устроил? — он тычет пальцем ему в грудь.

Напряжение, искрящееся в воздухе, заставляет волоски на руках встать дыбом. Тяжело сглатываю, чувствуя, как по коже ползут мурашки. Если они сейчас сцепятся…

Немного расслабляюсь, когда Глеб хмыкает и просто вытирает рот рукой, при этом молчит. Вот только я слишком хорошо знаю своего брата, больше всего на свете его бесит безразличие. Поэтому срываюсь с места и протискиваюсь между двумя упертыми баранами.

Заглядываю Леше в лицо. Оно пылает яростью. Одно неосторожное слово, и он слетит с катушек. Вот только я не уверена, кто из них двоих пострадает больше. Не стоит забывать, что Глеба в детстве отдали в секцию тайского бокса, которым он успешно продолжал заниматься во время нашего брака. Меньше всего, я хочу, чтобы Леша пострадал, поэтому толкаю его в грудь, но он будто прирос к полу и сверлит Глеба гневным взглядом.

— Я не лез в ваши отношения, — Леша берет меня за плечи и пробует сдвинуть в сторону, но я тоже не промах. Хватаюсь за руки брата. Остаюсь на месте, не давая пройти.

— Не надо, — шепчу, глядя на брата, но он, кажется, даже не слышит.

— Столько раз я предлагал тебе поговорить? Обсудить, что произошло между тобой и моей сестрой? Хотел помочь найти способ все исправить. А что слышал в ответ? Это не твое дело! — Леша снова пытается обойти меня, но я преграждаю ему путь.

Больно осознавать, что брат все это время пытался понять, как исправить чужие отношения, когда его тоже рухнули в одночасье. Леша пару раз прилетал ко мне в Лондон, заводил разговор о Глебе, но я быстро переводила тему. Не могла впустить никого в раненую душу, даже родного человека. Попытки брата, казалось, стерлись из памяти, а сейчас возродились вновь.

— Друг, не надо, — голос Глеба сзади пропитан угрозой. Хорошо, что я не вижу его лица. Один взгляд, и уже пришлось бы сдерживать меня. — Повторю: это не твое дело. Разберись сначала со своей жизнью, — намек в словах бывшего мужа улавливаю даже я.

От Леши он тоже не скрывается. Брат втягивает воздух. Грудь под моими ладонями приподнимается.

— Не мое говоришь? — Леша бросает полный отвращения взгляд на Лику, слышу стук каблуков, будто она делает шаг назад. — Ты приволок сюда эту… — Леша выплевывает последние слова, а у меня брови ползут вверх от неприкрытого презрения. — Засовывал язык ей в рот. И все это при

моей сестре, которая, между прочим, твоя жена!

— Хватит! — снова толкаю Лешу в грудь, на этот раз изо всей силы. Немного помогает. Брат отшагивает. — Леша, я благодарна тебе за защиту и люблю тебя за то, что ты всегда на моей стороне. Но Глеб тоже может делать все, что захочет, ведь я его бывшая, — намеренно выделяю последнее слово, — жена.

Брат, наконец, обращает на меня внимание: опускает взгляд и хмурится.

— Бывшая? — он выглядит удивленным.

— Да, перед отлетом в Лондон я написала заявление на развод. Поэтому Глеб — полностью свободный человек, и может засовывать язык, куда захочет, — прикусываю щеку, чтобы не ляпнуть лишнего.

Брови брата еще больше приближаются к переносице. Он вглядывается в мое лицо, словно ищет на нем что-то. Не уверена, находит ли, но в следующее мгновение осторожно произносит:

— Даша…

— Что здесь происходит? — голос Николая Петровича прерывает его и заставляет всех посмотреть на дверь. Бывший свекор стоит в проходе и обводит присутствующих хмурым взглядом. Не понимаю, это игры моего воображения или же я, на самом деле, замечаю неприязнь на лице Николая Петровича, когда он видит Лику? — Я решил дать вам время разобраться с личными проблемами самостоятельно, а вы

устроили балаган у меня в офисе, — он перешагивает порог и останавливается, засовывая руки в карманы брюк. — Вы хоть понимаете, что со стороны выглядите как свора голодных собак, которые готовы вгрызться друг другу в глотки? У меня и так полно проблем. Вы решили еще их добавить?

Чувство вины зарождается в груди. Сейчас, при ярком освещении, я замечаю, что бывший свекор выглядит куда более уставшим, чем показалось изначально. Его в первую очередь выдают глаза, которые кажутся… опустошенными.

— Николай Петрович, — разворачиваюсь. Он смотрит на меня. — Я помогу вам с дизайн-проектом. Пришлите, пожалуйста, всю информацию мне на почту. За выходные изучу вводные данные и сделаю первые наброски, — вижу, как Николай Петрович кивает, немного расслабляясь. После чего собираюсь с силами и перевожу взгляд на Глеба. — Давай, пока я остаюсь в России и помогаю твоему отцу, попробуем вести себя цивилизованно и постараемся не пересекаться, — от Глеба кивка так и не дожидаюсь, он только сужает глаза. — А сейчас прошу меня простить. Я только прилетела и очень устала.

— Я отвезу тебя домой, — брат кладет руку мне на плечо.

Оглядываюсь и мотаю головой.

— Не надо. Останься. Тебя же не просто так вызвали. Я доберусь на метро, — легко улыбаюсь.

Леша что-то еще хочет мне сказать, но я лишь похлопываю его по пальцам, лежащим на моем плече.

— Все хорошо, — произношу одними губами. — Желаю всем продуктивного дня, — добавляю уже громче.

Не дожидаясь, пока меня кто-то остановит, пересекаю холл и вызываю лифт. Створки сразу разъезжаются. Захожу в кабинку. Нажимаю на кнопку первого этажа. Разворачиваюсь.

Глаза расширяются, а сердце начинает биться чаще, когда замечаю, что Глеб идет в мою сторону.

Жму на кнопку закрытия дверей снова и снова. Они приходят в движение, но поздно. Глеб протискивается между ними.

Вдавливаюсь в стену. Металл перил холодит кожу через блузку. Вцепляюсь в них, в то время как Глеб нависает надо мной. Кажется, что он прожжет во мне дырку своим пронзительным взглядом. Дрожь прокатывается по телу. Капля пота ползет по позвоночнику. Кожа словно наэлектризована. Горячее дыхание вырывается из груди, опаляет губы и смешивается с жаром, исходящим от бывшего мужа.

— Постараемся не пересекаться, говоришь, — Глеб хмыкает. — Какой хороший план, но ты не учла одно обстоятельство, — коварная улыбка искажает когда-то любимое лицо. — Мы все еще женаты.

Глава 5

Меня трясет. Хожу туда-сюда по небольшому кабинету брата. Не могу успокоиться.

Хорошо, что на этот раз я не додумалась надеть каблуки. Иначе ноги гудели бы, мне сегодня пришлось побегать по городу. Для таких прогулок лучше подходят кроссовки, тем более они неплохо сочетаются с черными расклешенными брюками и белой водолазкой в рубчик.

Темно-зеленые стены с коричневыми вставками по идее, должны успокаивать, но меня они только раздражают. Хочется рвать и метать! Документы в сумочке, которую я бросила на одно из кожаных кресел для посетителей, не дают мне покоя. Черные буквы на белой бумаге гласят, что мы с Тихоновым Глебом Николаевичем все еще женаты. Как такое вообще возможно? Как я могу быть все еще замужем?

Тремя днями ранее

«Мы все еще женаты».

Слова Глеба звучат звоном колоколов у меня в голове. Пристально смотрю на мужа, надеюсь, все-таки бывшего. Ищу признаки лжи на его лице. Но кроме едва заметной ухмылки ничего не нахожу.

Сердце начинает биться чаще, а я сильнее вцепляюсь в перила.

— Это шутка? — губы едва шевелятся.

В голове гудит. Мыслей нет совсем. Они исчезают вместе с новостью, из-за которой у меня внутри все содрогается. Это же не может быть правдой?

— Нет, конечно, — он хмыкает и приподнимает правую руку. На безымянном пальце блестит обручальное кольцо. Свое такое же, только поменьше, я оставила на тумбочке в нашей квартире, когда уходила.

Колени подгибаются. Если бы я не держалась за перила, которые нагрелись под руками, то точно распласталась у ног… мужа. А так, просто шепотом произношу:

— Но почему? К-как?

Глеб жестко улыбается, подносит ладонь к моему лицу и заправляет выбившуюся из пучка прядь за ухо.

— Ты думала, сможешь так легко отделаться? — произносит он хриплым голосом, который всегда сводил меня с ума.

Мурашки бегут по коже. Только на этот раз их вызывает ужас. Такого Глеба я еще не видела. Раньше, когда мы были вместе, он, хоть и мог быть строгим, иногда включал решающего любые проблемы «босса», но всегда в его взгляде я видела нежность. Сейчас же передо мной зверь, который готов сломать хребет любому, кто встанет у него на пути.

— Это неправда, — произношу тихо, больше для себя. — Не может быть правдой.

— А ты проверь, — он вздергивает бровь.

Желудок делает кульбит. Глеб слишком уверен. Слиш-

ком…

Дверцы лифта разъезжаются и мгновенно приводят меня в состояние боевой готовности. Толкаю Глеба в грудь. Он от неожиданности делает шаг назад. Проскальзываю между ним и стеной. Выбегаю из лифта в просторный светлый холл с окнами в пол.

Не успеваю скрыться из поля видимости, как слышу саркастическое:

— Тебя подвести?

Ярость бурлит в крови.

— Обойдусь, — иду так быстро, как могу, переживая, что Глеб меня догонит. Напряжение отпускает, когда я улавливаю, как дверцы лифта приходят в движение за спиной, а шагов позади так и не слышно.

Ускоряюсь.

Кажется, планы на сегодня поменялись!

Наше время

Плюхаюсь в кресло рядом с окном.

Помощница Леши, совсем молоденькая девушка с русыми волосами и в строгом черном платье, полчаса назад принесла мне кофе, поставила его на стол брата и попросила немного подождать. Выбора не было, поэтому пришлось согласиться. Хотя к кофе так и не притронулась. Мне и так достаточно адреналина в крови, не хватало еще его кофеином подзарядить.

Я позвонила брату два часа назад, когда получила информацию о своем семейном положении. В субботу мне так и не удалось попасть в ЗАГС. Леша перехватил меня почти сразу, как только я вышла из здания, в котором находится офис Николая Петровича.

Мою просьбу вернуться и заняться своими делами он, упертый баран, решительно проигнорировал. Просто заявил, что отвезет меня домой. Я начала было с ним спорить, но как только услышала, что родители вернулись раньше и хотят увидеть «блудную дочь», стушевалась.

Слезы счастья, крепкие объятия, нескончаемые поцелуи в обе щеки — все это мне досталось от мамы. Я почти полная ее копия, только цвет волос папин. Он тоже притянул меня к себе и долго держал, прежде чем оба родителя затащили меня в гостиную, усадили на диван и завалили вопросами.

Когда же я вырвалась из «плена родных» и попала в ЗАГС, рабочий день уже закончился. Поэтому пришлось ждать вторника. Но ничего утешительного я для себя не узнала.

У меня в голове вертелся всего один вопрос: «Как так получилось, что нас с Глебом не развели?». Единственный человек, который мог мне помочь со всем разобраться — брат. Все-таки хорошо, что в семье есть юрист. Нужно было сразу к нему обратиться. Еще два года назад.

Дверь в кабинет открывается. Подрываюсь с кресла. Разворачиваюсь и застываю на месте.

В кабинет входит мой брат в черных брюках и белой ру-

башке. А за ним движется Глеб. Он напоминает демона, носящего только черное, чтобы подчеркнуть тьму внутри.

Горячий гнев разливается по венам, когда я смотрю на… мужа.

— Ты меня преследуешь? — цежу сквозь стиснутые зубы и иду к нему.

Сжимаю кулаки.

— Даша, что ты здесь делаешь? — Леша преграждает мне путь, но я все равно замечаю самодовольную ухмылку, которая растягивается на лице Глеба.

— Серьезно? Что я здесь делаю? — перевожу взгляд на брата и приподнимаю бровь. — Я тебе звонила. Мы вообще-то договорились встретиться.

Леша недолго хмурится, словно роется в памяти, пытаясь найти нужное воспоминание. А через пару секунд озарение появляется на его лице.

— Прости, — он сжимает двумя пальцами переносицу. — Совсем вылетело из головы, — брат виновато смотрит на меня. — У тебя что-то срочное? Или мы можем дома поговорить?

Леша начинает поворачиваться, будто хочет взглянуть на друга, но останавливается и снова сосредотачивается на мне.

— Дай угадаю, — Глеб появляется из-за его спины. Проходит мимо и садится в кресло, которое только что занимала я. — Ты приехала, чтобы узнать, как получилось, что мы все еще женаты?

Глеб достает из кармана брюк телефон и утыкается в него, делая вид, что его не интересует мой ответ.

— Ты, серьезно, не знала, что замужем? — голос Леши полон удивления.

С подозрением смотрю на брата.

— А ты знал?

Леша тушуется. Поджимает губы и заводит руки за спину. Вместо него отвечает Глеб.

— Разве он мог не знать о семейном положении своего партнера? — в его голосе слышится ухмылка, а у меня по позвоночнику бегут мурашки.

Я же правильно поняла? Глеб и Леша основали вместе фирму, а я об этом ни сном ни духом? Делаю несколько небольших шагов назад. Обнимаю себя за талию. Смотрю на брата, как на незнакомца.

Леша ловит мой взгляд. Вина отображается на его лице.

— Я все объясню, — он выставляет руки перед собой.

— Как долго? — тихие слова — это все, что я могу из себя выдавить.

Леша молчит, зато Глебу, кажется, не терпится поделиться.

— Перед твоим отъездом мы как раз прорабатывали план открытия собственной юридической фирмы. Не отказываться же нам от него из-за того, что моя дорогая женушка решила взбрыкнуть?

Стискиваю челюсти и уже собираюсь повернуться, чтобы

показать муженьку, как могу по-настоящему «взбрыкнуть», но Леша перехватывает мои плечи и заставляет посмотреть на него.

— Давай позже поговорим, — брат кладет руку мне на спину и подталкивает к выходу. — И с разводом я тебе помогу разобраться, только дома. Ладно?

Он почти выводит меня в приемную, когда я слышу грозное:

— С такими обещаниями я на твоем месте был бы поосторожнее, — кожаная обивка скрипит, когда Глеб встает с кресла. — Ты последние два года не лез в наши отношения, предлагаю и дальше придерживаться той же стратегии, — слышу глухие шаги сзади.

Леша замирает. Его пальцы впиваются мне в плечо.

Одна секунда. Две. И он разворачивается. Я тоже.

— Как ты смеешь? — рычит брат и направляется прямо к Глебу, встречая его на полпути. — Я столько раз пытался завести с тобой разговор о сестре. Что слышал в ответ? А?

Глеб хмыкает.

— Если бы действительно что-то хотел узнать, то сделал бы это, — муж смотрит на меня через плечо брата. — Я же вижу, как ты легко находишь ключи к клиентам, чтобы достать из них нужную информацию, — он переводит взгляд на Лешу. — Признай, что был занят собой и своими разрушенными отношениями, а на сестру тебе было плевать.

У меня внутри все скручивает. Гнев расцветает в груди

и распространяется по венам. Не могу смотреть, как Глеб нажимает на больные точки брата, зная, как он любил Лену.

Быстро преодолеваю расстояние до двух баранов и втискиваюсь между ними так же, как пару дней назад сделала это в офисе. Только на этот раз впиваюсь взглядом в мужа.

— Может, хватит? — оттесняю спиной Лешу, стараясь вложить в голос всю силу, что у меня есть. — Я уже поняла, ты относишься ко мне, как к неблагодарной суке, которая не заслуживает ни единого волоска на твоем теле. Но мой брат вроде всегда тебя поддерживал. Или я ошибаюсь? А по поводу наших отношений — не переживай, скоро нас ничего связывать не будет. Я разберусь, почему нас так и не развели. И в следующий раз все пройдет гладко.

Поворачиваюсь на пятках.

— Поговорим дома, — бросаю Леше, двигаясь на выход.

В дверях вспоминаю, что забыла сумочку. Черт с ней, телефон у меня в кармане. Остальное неважно. Вот только небольшой заминки Глебу достаточно, чтобы догнать меня. Он обхватывает сильными пальцами мое запястье и тащит из кабинета. Помощница брата во все глаза смотрит на то, как Глеб выволакивает меня в коридор. Но на этот раз не прижимает к стене, а ведет к двери напротив. В светлой приемной, кроме шкафа и рабочего стола, больше ничего нет. Секретаря тоже не вижу, чему в душе радуюсь. Вот только меня сразу начинает потряхивать, когда я понимаю, что Глеб направляется в свой кабинет, дверь которого оказывается открыта.

Комната — почти что копия той, где я провела последние полчаса. Только черные стены, в которых Глеб чуть ли не теряется в своей одежде, отличают кабинеты двух соучредителей фирмы. До сих пор не понимаю, почему Леша мне не сказал о работе с Глебом. Я бы не была против. Они с Глебом — друзья, и уверена, прекрасно дополняют друг друга.

Вздрагиваю, когда за нами захлопывается дверь. Легче становится только после того, как Глеб отпускает мою руку и направляется к рабочему столу. Обходит его, разваливается на кресле и указывает рукой на место перед столом.

Не двигаюсь. Не решаюсь. Глеб не запер дверь. Я могу спокойно уйти. Даже склоняюсь к этому варианту, когда на краю сознания всплывает здравый смысл. Нам нужно поговорить. Разобраться со всем. Поэтому набираю в легкие побольше воздуха. Пересекаю кабинет и сажусь напротив Глеба. Нас разделяет стол, на котором стопкой лежат бумаги, папки, стоит закрытый ноутбук, что немного радует. Хоть какая-то преграда.

— Значит, ты хочешь развод? — Глеб складывает руки на груди.

— Да, — заставляю себя подвинуться ближе к спинке кресла, а не сидеть на краю, как бедная родственница. — Думаю, это было понятно еще два года назад, когда я подала перед отъездом заявление. Единственное, чего не понимаю, почему нас не развели.

— Ты забыла? — один уголок губ мужа ползет вверх. —

У нас общая квартира.

— Я написала отказ от претензий еще в ЗАГСе, — хмурюсь.

— А у нотариуса заверила? — Глеб вздергивает бровь, а я прикрываю глаза и подавляю желание стукнуть себя по лбу. — У нас есть имущественный спор. На судебное заседание ты не явилась, как и я, в принципе. Поэтому мы до сих пор женаты.

— Ладно, — переплетаю пальцы на коленях, чтобы унять дрожь. — Я поняла свою ошибку. Давай на этот раз сделаем все правильно, — не могу смотреть на Глеба, поэтому опускаю взгляд на руки.

Белые костяшки выделяются даже на светлой коже. Синие вены становятся заметнее. Глеб кажется таким знакомым и одновременно чужим. Его лицо напоминает безжалостную маску, чего я раньше не замечала. Как могло произойти, что отношения, которые когда-то были похожи на сказку, превратились в яд, травящий душу?

— Если ты так хочешь развод, я тебе его дам, — в размеренном тоне Глеба улавливаю что-то еще. Что-то подозрительное, поэтому резко поднимаю голову. — Но сначала посмотри одно видео, — он раскрывает ноутбук, кликает пару раз мышкой и разворачивает экраном ко мне.

Я шумно вздыхаю и прикрываю рот рукой.

Глава 6

— Что это? — поднимаю взгляд на Глеба.

— Не узнаешь? — он грустно усмехается. — Моя мама.

Сарказм всегда был защитной реакцией мужа, поэтому я игнорирую его издевку и снова смотрю на экран. Конечно, я узнаю женщину на нем, несмотря на то, что половину лица закрывает полупрозрачная кнопка «play» в центре экрана. Но даже она не может скрыть бледность и синяки под глазами, которые больше похожи на мазки кистью неаккуратного художника.

Валентина Леонтьевна всегда была статной женщиной. Она идеально укладывала светлые волосы, не забывала про макияж и одевалась исключительно элегантно. Женщина на экране — бледная копия моей свекрови. Волосы потускнели, лицо без капли косметики, а любимые платья сменила белоснежная сорочка.

Я думала, Валентина Леонтьевна решила со мной не общаться после того, как узнала, что я бросила ее сына. Она не звонила и не писала мне все это время, хотя мы были близки. Я пару раз хотела набрать ее номер, но боялась услышать осуждение в голосе человека, который стал для меня родным.

Как же я была не права…

— Что случилось? — шепчу, не отрывая взгляда от экра-

на.

Пальцы, лежащие на коленях, подрагивают. У меня внутри все скручивает от напряжения. Хочу услышать ответ, и одновременно появляется желание закрыть уши руками, как делала в детстве.

— Рак, — спокойно произносит Глеб, но от меня не скрывается, как заостряются черты его лица, плечи напрягаются.

— Она… у-умерла? — тяжело сглатываю. Зажимаю похолодевшие руки между бедер.

— Через пару месяцев после того, как ты уехала, — Глеб отводит взгляд к окну. — Никто, кроме отца, не знал, что мама болела. Она запретила ему рассказывать. У нее была последняя стадия, и она не хотела никого напрягать. Думала, что выкарабкается самостоятельно. Но ошиблась, — последние слова он произносит совсем тихо. — Я узнал о болезни за неделю до того, как ее не стало.

Еле подавляю порыв встать и обнять Глеба, вовремя вспоминая, что нас больше ничего не связывает. Наш брак разрушен, а его осколки только добавят боли.

— Мне жаль, — банальные слова — единственное, что приходит в голову.

Едва сдерживаю слезы. Закусываю нижнюю губу, чтобы остановить рвущийся наружу всхлип. Судорожно вздыхаю.

Смотрю на экран и чувствую, как меня наполняет сожаление. Почему я уехала, не попрощавшись с ней? Почему не нашла в себе силы встретиться со всеми близкими людьми?

Два года назад я утопала в боли. Пыталась удержать себя на плаву и не могла думать ни о чем другом. Даже развестись нормально не смогла. А теперь начинают появляться последствия моей слабости.

— Не хочешь включить? — голос Глеба привлекает мое внимание.

Смотрю на него полными слез глазами. Глеб тоже не отводит от меня взгляда. Выражение его лица нечитаемое, словно он запер все эмоции внутри.

— Ч-что там? — не могу заставить себя снова взглянуть на экран. Происходящее кажется страшным сном, который каким-то образом перенесся в реальность и преследует меня.

— Послание от мамы для меня и… тебя, — Глеб откидывается на спинку кресла. Закрывает глаза. Видимо, пытается отстраниться от всего происходящего.

Я бы тоже с удовольствием закрылась в себе, а лучше уехала бы в Лондон, чтобы забывать о кошмаре, в который снова начинает превращаться моя жизнь. Но глаза Валентины Леонтьевны, наполненные тоской и смотрящие на меня через экран, не оставляют выбора.

Дрожащими пальцами нажимаю на пробел.

— Снимаешь? — Валентина Леонтьевна смотрит поверх камеры.

За ее спиной белая стена, спинка кровати и несколько подушек, на которые женщина опирается.

— Да, — голос Николая Петровича за кадром дрожит.

— Хорошо, — Валентина Леонтьевна печально улыбается и заправляет волосы за ухо, прежде чем посмотреть в камеру. — Глеб, Даша… Не знаю, с чего начать, — тяжело вздыхает. — Наверное, сначала попрошу прощения. Я должна была сказать вам, что заболела. Мы бы могли чуть больше времени провести вместе. Единственное, что меня оправдывает — у вас и так в последнее время расклеились отношения. Я не хотела своей болезнью напрячь вас еще больше, — она говорит слишком медленно, будто каждое слово дается ей с огромным трудом. — Простите меня, ладно? — Валентина Леонтьевна переводит дыхание, сильнее откидывается на подушки и пристально смотрит в кадр. — Но все же надеюсь, вы не откажите умирающей в последней просьбе, — она усмехается. — Это звучит пафосно, но суть отражает, — ее лицо снова становится серьезным. — Я не знаю, что у вас произошло. Только пару дней назад узнала, что ты, Даша, уехала в Лондон. Коля рассказал мне, когда я попросила с вами связаться, чтобы попрощаться. Глеб молчит, как партизан. А у меня не остается времени, чтобы со всем разобраться, поэтому записываю это видео, — Валентина Леонтьевна набирает в грудь побольше воздуха, будто с ним пытается получить еще немного сил. — Вы идеальная пара. Не спорьте! Я наблюдала за вами с самого начала. Хорошо помню, как Глеб привел домой рыжеволосую девчушку и пылинки с нее сдувал, а она смотрела на него благоговейным взгля-

дом. С каждым днем… месяцем… годом я только убеждалась, что вы созданы друг для друга. Как взаимодействуете без слов… Как произносите одни и те же фразы, не сговариваясь… Как чувствуете друг друга… Все это не просто так. И мне было жаль услышать, что ваши отношения дали трещину. Поэтому на правах умирающей хочу попросить дать друг другу шанс. Я не говорю, что вы обязаны оставаться вместе, чтобы почтить мою память. Но вы же можете дать вашей семье хотя бы три месяца, чтобы попробовать сблизиться вновь? — Валентина Леонтьевна умоляюще смотрит в кадр. — Даша, ты уехала, но вернешься же когда-нибудь. Или Глеб, ты можешь полететь к ней. Неважно, как вы встретитесь и сколько времени пройдет, уверена, что судьба снова сведет вас вместе, — ее голос становится слишком тихим, прерывистым. — Так вот, пожалуйста, попытайтесь найти снова путь к своему совместному счастью. Дайте шанс. Всего один шанс. А если не получится, тогда…

Валентина Леонтьевна хватается за грудь. Стискивает зубы. Ее глаза расширяются. Наполняются страхом, болью. Но взгляда от камеры она не отводит. Словно пытается передать послание, которое не донесла.

— Валя? Валя! — истерично кричит Николай Петрович.

Телефон падает с треском на пол.

Видео останавливается.

Я всхлипываю. Закрываю рот ладонью. Слезы текут по

щекам. Перед глазами все расплывается. Меня бросает то в жар, то в холод. Не могу поверить, что не знала о смерти мамы Глеба. Почему я так и не позвонила ей?

— Что скажешь? — тихий голос Глеба прорывается сквозь пелену отчаяния. — Разводимся или дадим шанс «нашей семье»? Выбор за тобой.

— Ты серьезно? — качаю головой, пытаясь справиться с шоком, из-за которого онемело тело. — Думаешь, у нашей семьи есть шанс после того, как ты спал с моей лучшей подругой?

Глеб безэмоционально, чуть склонив голову, смотрит на меня.

— Не вижу в этом проблемы, — пожимает плечами. — И какое отношение, с кем я сплю, имеет к просьбе моей матери?

Воздух застревает в груди. Я неверяще смотрю на своего мужа. Внутренности скручивает в тугой жгут, а потом резко отпускает, когда уходит последняя надежда. Словно нить, все еще связывающая нас, обрывается. Выдыхаю. Медленно поднимаюсь, не чувствуя ног.

— Знаешь, — заправляю волосы за ухо, прежде чем засунуть руки в карманы брюк, чтобы скрыть дрожь. — Всего на секунду у меня промелькнула мысль «может, стоит дать шанс». Но ты… и Лика… Сложно было найти другую любовницу? Она же моя… была моей лучшей подругой, — сглатываю, чувствуя, что слабость волной проносится по телу.

Слезы снова подступают к глазам. Сдерживаю их. Из последних сил.

Глеб молчит. Сверлит меня взглядом, будто пытается пробраться ко мне в голову. Не даю ему этой возможности.

— Прощай, Глеб, — судорожно вдыхаю. — Мой выбор — развод!

Разворачиваюсь и выхожу. Глеб меня не останавливает. В приемной натыкаюсь на светловолосого худощавого парня-секретаря в черном костюме, сидящего за столом. Он окидывает меня взглядом, прежде чем снова зарыться в бумагах. Но уже через мгновение снова поднимает голову. Его глаза шокированно расширяются. Я только киваю ему, прежде чем вылететь из приемной и закрыть за собой дверь.

Последние силы покидают меня, и я прислоняюсь спиной к стене. Упираюсь руками в бедра. Дышу глубоко. Через рот. Пытаюсь унять дрожь.

Серые стены отлично отражают мое состояние. Чувствую, что разваливаюсь. Кажется, ткни в меня сейчас пальцем, и я рассыплюсь на песчинки. Сил едва хватает, чтобы не осесть на пол. А в голове крутится только один вопрос:

«Когда Глеб стал таким жестоким?»

Ответ на него я могу получить, только если вернусь и спрошу лично.

Резко выпрямляюсь. Но вместо того, чтобы открыть соседнюю дверь, иду к той, что напротив. Еще одну встречу с мужем сегодня я не вынесу. Мой разум скажет мне «про-

щай», точно так же, как я выдала Глебу всего пару минут назад.

Помощница Леши что-то набирает на компьютере, и не пытается остановить меня, когда я без стука врываюсь в кабинет брата.

Леша отрывается от экрана и не высказывает ни капли раздражения из-за моего внезапного появления.

— Вы поговорили? — он откидывается на спинку кресла и крутит шеей, прежде чем, прищурившись, уставиться на меня. — Что с глазами?

Подхожу ближе. Хватаю сумочку. Изо всей силы сжимаю ремешок в руке. Ногти впиваются в ладонь, и это помогает немного контролировать эмоции. Хочу проигнорировать вопрос брата. Уйти без оглядки. Попытаться привести мысли в порядок, чтобы не наговорить лишнего, но один вопрос все-таки не дает мне покоя.

— Почему вы не сказали мне, что Валентина Леонтьевна умерла? — впиваюсь в брата гневным взглядом.

Глаза Леши сначала расширяются, а потом сужаются до щелочек. Он чешет затылок, а на его лице появляется виноватое выражение.

— Прости, ладно? — Леша поднимается, хочет обойти стол, но я вытягиваю руку, останавливая его. — Я хотел сказать, правда. Помнишь, прилетел к тебе? Но ты выглядела такой разбитой. Похудела. Лицо осунулось, на нем больше не было красок. А глаза… они показались мне пустыми. Или

даже безжизненными, — брат вздыхает, но взгляда от меня не отводит. — Казалось, что еще один удар, и мы потеряем тебя навсегда.

— Кто мы? — смотрю на него строго, пристально.

— Мы же звонили родителям. Или ты забыла? — Леша трет шею. — Ты в туалет ушла, а я спросил у них говорить тебе или нет. Мама с папой умоляли этого не делать, потому что видели то же, что и я — тень от своей дочери.

Я помню тот день. Он был одним из «светлых». Именно тогда я задумалась о том, чтобы вернуться в Россию. Все-таки дома и родные стены могут помочь исцелиться. Но я столько трудилась, лишь бы получить стипендию, не могла же я оплошать еще и в этом. А теперь счастливое воспоминание омрачилось и стало походить на грязное пятно. Еще одно.

Я даже не попрощалась…

— Ладно, тогда я, возможно, и была на грани. Но почему вы потом ничего не сказали? — надеваю сумочку на плечо. — Я же, вроде, пришла в норму.

— Мы не знали, как тебе сказать, — Леша все-таки обходит стол, на этот раз не пытаюсь его остановить. Он кладет мне руки на предплечья и легонько встряхивает. — Я же знаю свою сестренку, ты бы мне еще ту взбучку устроила. И не разговаривала бы со мной как минимум месяц, — брат быстро взлохмачивает мои волосы и отшатывается, ожидая наказания в виде подзатыльника.

Но я не двигаюсь, не могу.

— Если что, последнее — шутка, — брат становится серьезным. — Но я, правда, не знал, как тебе сказать. Времени прошло много, а ты заканчивала обучение. Валентину Леонтьевну уже не вернешь. Но, зная тебя, ты в тот же день купила бы билет на самолет, поставив под угрозу свое будущее.

— Это несправедливо. Я бы хотела попрощаться, — глаза снова туманятся от слез.

Леша на мгновение замирает, а потом притягивает меня к себе. Я пытаюсь справиться со слезами, но они все текут, не переставая. Сумочка с глухим стуком падает на пол, когда я разжимаю пальцы, чтобы обнять брата в ответ. Не знаю, сколько мы так стоим. Но, в итоге, всхлипы затихают, а от слез остаются только мокрые следы на щеках, которые я вытираю ладонью. Отстраняюсь от Леши.

— Ты знаешь, где Валентина Леонтьевна… сейчас, — более точное слово словно застревает в горле.

Брат печально смотрит на меня, прежде чем кивнуть.

— Я тебя отвезу, — он хватает телефон со стола.

— Не нужно, я сама доберусь, — кладу ладонь на его руку. — А ты работай.

— Дашик, может, хватит? — он показывает мне свои «оленьи» глазки, с помощью которых в детстве забирал у меня последнюю конфетку. — Тем более, ты не знаешь, куда идти. Или собираешься часами блуждать по кладбищу?

Вздрагиваю, когда слышу раздирающее душу слово, что,

конечно, не укрывается от брата. Он гладит меня по голове, странно, что снова не взъерошивает волосы. После чего поднимает сумку с пола и сует ее мне в руки.

— Поехали, — он кивает в сторону двери. Не ждет, пока я снова начну спорить, просто идет к ней.

Мне ничего не остается, как последовать за ним. Догоняю брата возле лифта в другом конце коридора.

— Вообще-то, там должен быть смотритель, — обиженно бросаю Леше в спину, в ответ получаю только покачивание головой.

Уже в машине вспоминаю, что нужно купить цветы и прошу брата остановиться у ближайшего магазина. Он внимает моей просьбе, и через несколько минут у меня на коленях рядом с черной сумочкой лежат белые розы. Валентина Леонтьевна их очень любила.

Мне больно на них смотреть, поэтому перевожу взгляд за окно, в котором мелькают многочисленные многоэтажки, сменяемые парками и торговыми центрами.

— Он мне изменил… с Ликой, — у меня не получается сдержать слова, которые то и дело рвутся наружу.

Машина виляет.

— Что? — голос брата звучит приглушенно. Я не смотрю на него, но уверена, что пораженный взгляд он на меня все-таки бросил.

— Я перед отъездом узнала… — произношу еле слышно.

— Ты уверена? — спустя некоторое время спрашивает

Леша.

Киваю, и только через мгновение понимаю, что он вряд ли увидел. Поэтому мне приходится найти в себе силы, чтобы наконец произнести вслух:

— Сначала сомневалась. Но он за два года так и не попытался со мной связаться, а когда я приехала, сразу увидела их вместе, — тяжело сглатываю и впиваюсь пальцами в бедро. — Сегодня я спросила… он не отрицал.

Брат молчит. Я тоже. Во рту пересыхает. Язык будто к небу прирастает. Леша — первый человек, с кем я делюсь своими переживаниями. Не хочу рушить их с Глебом дружбу, но больше не могу держать правду в себе.

Проходит больше часа, пока мы добираемся до кладбища, а потом еще минут пятнадцать, прежде чем находим нужную могилу.

Издалека замечаю белый прямоугольный памятник, находящийся за железной оградой. Он выделяется среди других: серых и черных. Сразу понимаю, что нам к нему. Подходим ближе. Внутри огорожено слишком много места, словно оно ждет еще одного человека. Но я тут же забываю об этом, когда вижу фотографию, выгравированную черными линиями. Замираю.

Валентина Леонтьевна смотрит на меня добрыми глазами. На губах легкая улыбка, а волосы уложены в идеальную прическу. Слезы катятся по щекам. Опять.

Леша открывает передо мной калитку, но я не двигаюсь.

Не могу избавиться от ощущения, что, если пройду через нее, реальность навалится на плечи. Где-то на краю сознания все еще теплится надежда, что это злая шутка. Кажется, что я еще увижу Валентину Леонтьевну. Она посмотрит на меня, хоть и строго, но нежно, как умеет… умела только она.

Я надеялась, что, когда вернусь, смогу ей все объяснить. И она поймет, услышит...

— Ты как? — брат кладет руку мне на спину.

Его ладонь придает немного сил. Я киваю и делаю шаг. На аккуратной могиле, запечатанной надгробием, в цвет памятника, замечаю букет белых роз, чуть больше моего. Кто-то навещал Валентину Леонтьевну недавно и, видимо, хорошо ее знал. Кладу свои цветы рядом и прикасаюсь к холодному камню.

— Простите, что не смогу выполнить ваше «предсмертное желание», — шепчу, чувствуя, как глаза снова наполняются слезами.

Стою, смотрю на фотографию Валентины Леонтьевны и пытаюсь мысленно передать, как мне жаль. Я должна была ей позвонить…

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем брат берет меня за руку и уводит меня с кладбища. После чего увозит подальше. Размеренное покачивание автомобиля помогает хоть немного отвлечься от пустоты внутри.

— Когда ты… прощалась, звонил Николай Петрович, — говорит Леша неожиданно. Поворачиваю к нему голову. —

Он посмотрел наброски, которые ты отправила вчера, и попросил привезти тебя в офис, чтобы потом поехать вместе на объект. Ты как? Сможешь? — он бросает на меня мимолетный, полный тревоги взгляд.

— Да, — пытаюсь выдавить из себя улыбку. — Мне нужно немного отвлечься.

Леша снова взволнованно смотрит на меня. Набирает в легкие побольше воздуха, прежде чем снова заговорить.

— Я не рассказывал тебе. Не думал, что это важно, — Леша крепче сжимает руль. — Лика ведет проект отеля, финансовую часть, в фирме Николая Петровича.

Глава 7

— Может, перенесем встречу? — брат кладет руку мне на плечо и ощутимо сжимает его. — Или отменим?

Я стараюсь размеренно дышать. Смотрю на свое мутное отражение в металлических створках лифта и вижу мертвецки-бледное лицо. Ноги почти не держат. А мысли мечутся. После того, как я узнала от брата «новость», я будто в ступор впала. У меня вырвали последнюю опору из-под ног, и я словно над пропастью зависла.

Несмотря ни на что, учеба всегда оставалась островком стабильности. Мне нужно всего лишь написать дипломный проект, защитить его, и начнется новый этап моей жизни. Но «обстоятельства», которые вывалил на меня брат, заставляют сомневаться.

Я не смогу… не смогу видеть каждый день ее…их.

Ощущаю горечь во рту, когда представляю, как муженек и его любовница будут облизывать друг друга у меня на глазах. Тело немеет. Подушечки пальцев холодеют. Все, чего мне сейчас хочется — спрятаться где-нибудь в углу и пожалеть себя.

Но разве я могу рисковать своим будущим? Разве могу лишиться шанса зарекомендовать себя только из-за того, что Глеб устроил любовницу в папину фирму? Надеюсь, мне хватит самообладания сохранить профессионализм. Ведь не

каждому новичку везет получить масштабный проект в начале карьеры. Второго шанса может не представиться. Если получится зарекомендовать себя, то я смогу уехать и никогда больше не возвращаться. А мое портфолио будет говорить за меня. Покажет мои навыки в лучшем виде. По крайней мере, я постараюсь, чтобы все так и было.

Створки лифта разъезжаются. Я вижу коричневую дверь в приемную Николая Петровича. Набираю в легкие побольше воздуха, пытаюсь унять волнение, из-за которого сердце колотится в груди.

— Пойдем, — произношу не своим голосом.

Краем глаза улавливаю короткий кивок брата, но как только он собирается сделать шаг, хватаю его за рукав пиджака. С силой вцепляюсь пальцами. Леша замирает, оглядывается. Смотрю на дверь, не отрываясь, но не вижу ее. Перед глазами расплывается. Дышать становится труднее.

— Пообещай, что сделаешь все, чтобы мы с ней пересекались как можно реже, — говорю тихо, сиплю.

Леша разворачивается и закрывает собой обзор. Медленно поднимаю голову и глазами, полными тревоги, впиваюсь в брата. Его черты лица становятся звериными, а взгляд наполняется плохо скрываемым гневом.

— Давай, ты откажешься от проекта, — Леша говорит это резко, поэтому предложение звучит как приказ. — Не нужно видеться ни с Глебом, ни с Ликой. И Николаю Петровичу ты ничего не должна. Займись проектом, ради которого прише-

тела, а я помогу тебе получить развод.

На секунду… всего на секунду я задумываюсь над тем, чтобы согласиться. Уйти навсегда, что может быть проще? Но…

— Лика уже забрала у меня Глеба. Разве я могу отдать ей еще и свою работу? — не отрываю взгляда от брата, поэтому замечаю, как он сильнее стискивает челюсти. Стараюсь улыбнуться, хоть и через силу. — А с разводом, — уголки губ все-таки опускаются, — … пожалуй, я приму твое предложение. Мне самой с Глебом не справиться.

Створки лифта закрываются, поэтому Леша тянется к панели и нажимает кнопку открытия дверей, после чего снова смотрит на меня.

— Дашик… — его взгляд смягчается, и я чувствую, как ком подкатывает к горлу.

— Не надо, — мотаю головой. — Пошли, пока не передумала, — огибаю брата и выхожу в бежевый холл. Слышу шаги сзади.

Направляюсь к двери в приемную.

— Нам не туда, — Леша окликает меня.

Замираю. Поворачиваюсь на пятках. Брат указывает в коридор справа, а я хмурюсь.

В этом крыле офиса мне удалось побывать всего два раза, когда я оформлялась в отделе кадров, а потом забирала документы. Насколько я помню, архитекторы, дизайнеры и остальные креативщики восседали в открытом пространстве

в самом конце противоположного коридора. А там, куда зовет меня Леша, находятся административные помещения.

— Николай Петрович попросил встретиться в конференц-зале, — поясняет брат, когда видит мою нерешительность. — Там еще главный архитектор должен быть. Николай Петрович хочет вас познакомить и заодно совместно пройтись по твоим наброскам.

Волнение колючками прорастает в животе. Брат старается выглядеть невозмутимым, стоит, засунув руки в карманы, но что-то не дает покоя.

— Глеб? — сужаю глаза и чувствую, как колет в груди. Колючки добрались и до сюда.

Леша качает головой.

— Он на встрече. Приедет чуть позже. Надеюсь, что вы к тому времени закончите, — брат кивает в сторону коридора. — Не передумала? — ухмыляется уголком губ.

Не знаю, откуда у меня берутся силы, но вместо того, чтобы сбежать, я иду по предложенному пути. Хоть он и хорошо освещен, но коричневые стены с бежевым орнаментом у потолка и пола сужают пространство. Только двери из светлого дерева, встречающиеся по пути, позволяют не чувствовать себя словно в лабиринте, из которого вряд ли удастся выбраться.

Леша идет рядом. Его присутствие помогает не паниковать, хотя одной мысли избежать не получается: где-то за одной из этих дверей сидит любовница мужа, и хочу я того или

нет, нам придется встретиться.

Тяжело сглатываю. В груди расцветает отвращение. Если Глеб променял меня на Лику, значит, достоин именно ее. Пусть эта меркантильная тварь наслаждается жизнью с изменщиком. Сжимаю кулаки и тут же расслабляю, потому что мы достигаем конца коридора. Леша открывает дверь, пропускает меня вперед.

Сразу же натыкаюсь взглядом на огромное панорамное окно. Из него открывается потрясающий вид на город, утопающий в закате. За большим овальным столом на офисном стуле с коричневой обивкой сидит Николай Петрович. Он зажимает в руке пульт. Перед ним навалены бумаги, чертежи и несколько ручек. Свекор смотрит на телевизор, где открыт один из моих набросков для оформления номера категории «Стандарт». Сочетание белых тонов с черными вставками и серыми элементами — беспроигрышный вариант, но это только одна из пяти цветовых схем, которые я представила.

Спиной к нам сидит мужчина. Его широкие плечи обтянуты белоснежным свитером. Черные с проседью волосы собраны на макушке в хвост. На шее замечаю выцветший длинный шрам. Когда он оборачивается, невольно концентрируюсь на нереальных голубых глазах. Они настолько светлые, что почти сливаются с белками. На лбу залегли две глубокие морщины, и еще несколько, более мелких, разбегаются у глаз.

Узнаю мужчину моментально — главный архитектор, о

котором говорил Николай Петрович. Мы встречались с Аркадием Викторовичем всего пару раз. Сначала на корпоративе, куда меня пригласили, хотя я отнекивалась. Потом в офисе он утверждал дизайн-проект, над которым работала мой руководитель. А однажды я налетела на него в коридоре, когда проходила практику в фирме свекра. В тот день, кротко улыбнувшись и пробормотав «простите», я побежала дальше выполнять поручение, но эти глаза долго не хотели исчезать из памяти. Сейчас же, когда мужчина смотрит на меня… оценивающе, становится как-то не по себе.

— Даша, Леша, — Николай Петрович встает, кладет на стол пульт и подходит к нам. Улыбается широко, дружелюбно, но теперь-то я не могу не замечать — в его глазах поселилась грусть. — Спасибо, что приехали. Садитесь, сначала работа, любезностями обменяемся потом.

Свекор разворачивается и резко останавливается.

— Чуть не забыл. Все знакомы с Аркадием? — он смотрит на меня через плечо.

Я киваю и снова встречаюсь взглядом с нереальными глазами. Тяжело сглатываю.

— Добрый вечер, — стараюсь приветливо улыбнуться. Надеюсь, получается.

Аркадий Викторович проходится взглядом по мне с ног до головы, задерживается на моих глазах и кривится.

— Добрый, — в его голосе нет ни капли дружелюбности. У меня на спине выступает липкий пот. Ладони тоже стано-

вятся влажными. Подавляю желание вытереть их о брюки.

— Все позже, — Николай Петрович берет меня за локоть и подталкивает к стулу рядом с Аркадием Викторовичем. Нехотя присаживаюсь на предложенное место, аккуратно, на самый краешек. Брат же обходит стол и занимает место напротив архитектора.

Он бросает на меня вопросительный взгляд и приподнимает бровь, как бы спрашивая: «Ты в порядке?» Киваю и протяжно выдыхаю, стараясь расслабиться.

— Так, о чем это я? — Аркадий Викторович пододвигает к Николаю Петровичу прозрачную папку. — Ах да, я подготовил примерную смету.

Свекор берет документы. Открывает первую страницу. Но не успевает заострить на чем-либо внимание, как дверь снова открывается.

— Прошу прощения, я опоздала, — этот приторно-сладкий голосок с ноткой ехидства я узнаю из тысячи.

Сжимаюсь на кресле, но тут же расправляю плечи. Почему я должна чувствовать себя неудобно в присутствии любовницы мужа? Это ей бы стоило постыдиться. Но зная Лику, вряд ли от нее дождешься хоть капли раскаяния. И судя по уверенному стуку каблуков, я не ошибаюсь.

Лика, задрав подбородок, обходит стол. В глаза сразу бросается ее белоснежный костюм. Именно такой, какие часто носила мама Глеба. Не думаю, что это совпадение. Внутри закипает ярость, но тут же тухнет, когда вижу руки Лики.

Она прижимает к груди планшет, выставляя красные ногти с огромными стразами на всеобщее обозрение. Это рушит весь «элегантный образ». Даже идеальные локоны, залитые тонной лака, и смоки-айс не спасают. Что там говорят про девушку и деревню?

Лика останавливается рядом с моим братом и не двигается. Ждет. Только чего? Спустя мгновение догадываюсь: она хочет, чтобы Леша отодвинул ей стул! Но брат, похоже, решил ее проигнорировать. Он откидывается на спинку, подхватывает первую попавшуюся бумажку со стола и внимательно всматривается в нее, смешно сводя брови у переносицы. Вот только тонкий лист просвечивается, и я замечаю нарисованный на ней график… перевернутый.

Еле сдерживаюсь, чтобы не захихикать. Настолько поведение брата выглядит комичным. А еще я ему благодарна. У меня с его помощью прибавляется немного уверенности. Чтобы сейчас не случилось, я справлюсь, ведь хотя бы один человек на моей стороне.

Слышу недовольный протяжный выдох, и Лика впивается пальцами за спинку стула. Отодвигает его, царапая ножками паркет. Морщусь от противного скрежета, но взгляда от Лики не отвожу. Она вальяжно садится напротив, кладет планшет на стол и закидывает ногу на ногу, после чего смотрит на меня. В ее глазах замечаю вызов. Что ж, я готова его принять!

— Анжелика Павловна, — Николай Петрович привлекает

внимание бывшей подруги. Она нарочито медленно поворачивает к нему голову. — Я вроде бы вызывал вашего руководителя.

Лика посылает свекру обольстительную улыбку. Она насквозь пропитана фальшью, что вряд ли скрывается от присутствующих.

— Светлане Леонидовне пришлось срочно отъехать. Поэтому мы подумали, что раз я все равно веду этот проект, мое присутствие будет уместным, — Лика делает невинные глазки и смотрит на Николая Петровича.

Свекор стискивает челюсти и окидывает ее снисходительным взглядом.

— Следующий раз подобные изменения согласовывайте со мной, — он сразу же отводит взгляд от Лики и сосредотачивается на мне. — Даша, это твой контракт, — Николай Петрович подхватывает со стола приличную стопку бумаг, передает ее Аркадию, а тот кладет документы передо мной. — Подпиши, пожалуйста, прежде чем мы начнем.

Я испуганно смотрю на черные буквы на белых листах, и понимаю, что, если бы даже хотела, вряд ли разобралась во всех нюансах. А еще не представляю, сколько времени займет всю эту писанину прочитать. Поднимаю голову и… встречаюсь с глазами брата. Он усмехается.

— Я лично его составлял, поэтому, можешь быть уверена, подводных камней в нем нет. Стандартные пункты про сроки, этапы сдачи результатов работ и оплату. А, да… еще

дополнительно нужно подписать соглашение о конфиденциальности, — Леша отрывается от спинки, расстегивает пуговицы на пиджаке и опять расслабляется. Из всего сказанного им улавливаю только «оплату».

Снова опускаю взгляд на бумаги. Дрожащими пальцами начинаю их листать. Нахожу сумму, и мои брови ползут наверх.

Вскидываю голову, впиваюсь взглядом в Николая Петровича.

— Я…

Не успеваю закончить фразу, как он взмахом руки прерывает меня.

— Знаю, что ты сейчас скажешь: «мы не договаривались на столь высокие суммы и прочую чепуху», — он берет со стола ручку и толкает ко мне. — Это за срочность. Плюс, точно будут переработки.

Ручка катится ко мне. Я едва ее ловлю на самом краю.

Смотрю то на контракт, то на Николая Петровича. Свекор ободряюще кивает, а я тяжело сглатываю. Ничего не понимаю. Он же нанял на работу Лику. Вряд ли не знал, что Глеб с ней спит. Почему же Николай Петрович так добр ко мне?

Нахожусь в полнейшем раздрае. Мысли превращаются в запутанный клубок, а распутать его не получается, потому что конец постоянно ускользает.

— Нам долго ждать? — Аркадий Викторович поворачивается ко мне полубоком.

Я замечаю его жесткий взгляд. Жар приливает к щекам. Теперь мне и правда становится неудобно.

Перехватываю ручку и подношу ее к месту, где написаны мои инициалы, понимая, что как только я поставлю подпись, действительно начнется новая жизнь. Волнение порхает бабочками в животе, прогоняя колючки, которые причиняли лишь боль. Легко улыбаюсь и касаюсь стержнем бумаги.

Намеренное покашливание заставляет меня замереть. Вздергиваю голову. Лика, прищурившись, коварно смотрит на меня, как бы говоря «я собираюсь забрать у тебя все».

— Прошу прощения, — она наклоняется к столу и тянется к документам передо мной. Кладет ладонь на контракт. Дергает. Придавливаю. Не отпускаю. — Я не видела никакого контракта. Этот проект мой, поэтому все «цифры» должны согласовываться со мной.

Глава 8

Лика сужает глаза и снова тянет на себя документы. Переживаю, что они порвутся, но не отпускаю. Не собираюсь ей больше уступать. Ни в чем!

— Хватит! — грохочет Николай Петрович. Встает, упирается ладонями в стол и нависает над ним. — Анжелика Павловна, подскажите, пожалуйста, руководитель фирмы разве изменился?

Лика тут же тушуется. Ее хватка ослабевает, и мне удается вытянуть контракт из-под впечатавшейся в него ладони. Перекладываю документы подальше, но подписать не решаюсь. Смотрю на свекра, а он не отводит строгого взгляда от Лики. Его губы сжаты в тонкую линию. Дышит он, хоть и размеренно, но тяжело. На лбу залегли глубокие морщины.

Лика, похоже, тоже улавливает напряжение, которое отражается на лице Николая Петровича. Резко выпрямляется на стуле и смотрит перед собой, строя при этом виноватые глазки. Но от меня не скрываются кулаки, которые Лика прячет под столом.

— Простите, — она бросает на Николая Петровича взгляд исподлобья, — я просто хотела проверить, впишется ли гонорар нового… дизайнера в смету расходов, выделенную на проект. Возможно, стоит пересмотреть оплату, чтобы не выходить за рамки бюджета?

— Если вы, Анжелика Павловна, еще не поняли, — свекор разворачивается в ее сторону, — у нас форс-мажор. Поэтому весь бюджет придется перестраивать, — он смотрит на папку, которую ему недавно передал Аркадий Викторович, и бросает на стол перед Ликой. — Это примерная смета. Заложите ее в бюджет, плюс еще минимум двадцать процентов на непредвиденные обстоятельства, — Николай Петрович садится на свое место. — И да, прошу не забывать: я могу нанимать, кого хочу и за гонорар, который считаю уместным. Если вас не устраивает мой выбор, — он смотрит на Лику прожигающим взглядом, — то мы можем рассмотреть вопрос о вашем отстранении от проекта.

Лика резко выдыхает, бросает на свекра насупленный взгляд и сжимает губы до «губ рыбки».

— Я просто хотела, как лучше… — она бормочет себе под нос, прежде чем подхватить папку, переданную ей Николаем Петровичем, и переложить ее на свой планшет. — Сегодня же займусь сведением отчетности.

— Надеюсь, подобных «недоразумений», — Николай Петрович акцентирует последнее слово, — больше не возникнет. Даша, — когда свекор смотрит на меня, его взгляд меняется — теплеет, — подпиши документы, и начнем. Мы с Аркадием успели посмотреть варианты дизайн-проектов, которые ты прислала. Хотим обсудить.

Мне кажется, или я действительно слышу сопение с противоположной стороны стола? Но вместо того, чтобы от-

реагировать на недовольство любовницы мужа, подтягиваю контракт ближе и ставлю подпись. Только после этого вскидываю голову. Лика, чуть оттопырив нижнюю губу, с презрением встречает мой взгляд. После чего демонстративно отворачивается. Смотрит на контракт и кривится. Но на этот раз ей хватает ума промолчать.

— Отлично, — Николай Петрович хлопает в ладоши и находит пульт, который затерялся среди бумаг. — Приступим. Аркадий, нужен последний проект?

Улавливаю кивок рядом и движение рук, когда архитектор складывает их на груди. Из-за противостояния с Ликой я совсем забыла о его присутствии. Но стоит немного расслабиться, напряжение наваливается на меня. Оно ползет по коже, щекочет ее, начинает поднимать волоски дыбом. Становится немного некомфортно, и я ерзаю на стуле, стараясь устроиться подальше от мужчины рядом. Но все равно сижу слишком близко, поэтому его энергетика обволакивает меня и постепенно просачивается внутрь. Хочется сжаться из-за ее воздействия, превратиться в невидимку, а лучше исчезнуть.

Хорошо, что Николай Петрович начинает перещелкивать фотографии, и я сосредотачиваюсь на экране. Свекор не останавливается, пока не находит серо-голубую цветовую схему, совмещенную с 3D визуализацией.

— Расскажи об этом дизайне подробнее, — слышу глухой стук и догадываюсь, что Николай Петрович кладет пульт об-

ратно на стол.

Не оборачиваюсь. Волнение узлом скручивается в животе. Переплетаю пальцы. Кладу руки на колени. Хочется опустить взгляд, чтобы дать себе небольшой перерыв и попробовать отыскать внутри хоть каплю уверенности, но вместо этого смотрю на «холодные» оттенки на экране и только начинаю понимать, почему в тот день не смогла уснуть. Смотрела через окно на затянутое тучами предрассветное небо и чувствовала, как вдохновение наполняет меня. После чего перенесла в проект голубое небо, затянутое тучами, через которое пробивался свет.

— Свет, — голос звучит слабо, прокашливаюсь. — Меня вдохновил свет. Когда я увидела на чертежах, что у здания будет много окон в пол, поняла, что хочу подчеркнуть этот момент с помощью цветовой гаммы, — перевожу дыхание и слегка улыбаюсь, глядя на белые стены и бледно-голубой ковролин. Такого же оттенка у окна я поставила два кресла, разделенные стеклянным столиком, и набросила сложенное тонкой полоской у изножья кровати покрывало. Зеркало, заменяющее обои одной из стен, в разы увеличивает пространство, а небольшие расписные завитки у потолка, элементы декора в виде серых подушек, голубых подсвечников, таких же торшеров на прикроватных тумбочках делают стиль проекта единым. — Это дизайн номера «Стандарт». Для «Бизнес», «Люкс», апартаментов, естественно, заменю наполнение. Плюс, добавлю разные детали, которые будут зависеть

от категории номера. Единственный момент, я бы предложила использовать в основном холодные оттенки в интерьере. Можно, конечно, выбрать и «теплую» концепцию. Либо сделать микс из них. Но, на мой взгляд, «холод» дает больше «света», а его многим очень не хватает, — только произнося последние слова, понимаю — что-то похожее всегда говорила мама Глеба.

В груди все сжимается. Слезы подкатывают к глазам, а нижняя губа начинает подрагивать. Впиваюсь в нее изнутри зубами. Сильно. Хорошо, что Николай Петрович не видит моего лица. Он бы сразу все понял.

Когда я делала этот дизайн, то не знала, что Валентины Леонтьевны уже нет с нами. А сейчас, глядя на него, понимаю, что он полностью отображает, каким бы она видела идеальный отель.

— Прошу прощения, — голос Лики сменяет тянущее чувство в груди на жгучую ярость. Медленно перевожу взгляд на бывшую подругу. На лице у Лики играет невинная улыбка, будто она «совсем не хочет» сделать очередную гадость. — Позвольте вмешаться в обсуждение. По-моему, такие номера есть в каждом приличном отеле. По крайней мере, я часто видела нечто подобное. Разве нам не нужно что-то более… впечатляющее? Все-таки отель «пять звезд» планируется. Может, лучше «золота» добавить? И дерево создаст ощущение роскоши, — ее слова пропитаны… ядом.

Они врезаются в меня, как острые ножи. Но боли не при-

носят, только распространяют отраву по венам, заставляя их пылать. Стараюсь размеренно дышать. Но не получается. Когда вижу бесстыжие глаза любовницы мужа, яд, который она выпустила на меня, закипает в крови. Она спит с моим мужем, а еще хочет влезть в мою работу?

— А, по-моему, знания, полученные годами упорного труда, половым путем не передаются. Так что можешь не думать, что секс с моим мужем сделает из тебя дизайнера... по крайней мере, такого же, как я, — спустя несколько мгновений понимаю, что сказала. Щурюсь. Не могу заставить себя посмотреть на Николая Петровича. — Простите, — говорю и вскакиваю с места.

С гордо поднятой головой выхожу в коридор и аккуратно закрываю за собой дверь.

Прислоняюсь к стене, кладу затылок на холодный бетон и закрываю глаза.

О чем, черт побери, я думала?

Закусываю губу. Глубоко вздыхаю, понимая, что нужно вернуться. Но как только представляю, что мне придется извиниться за свой выпад перед этой… у меня сводит челюсти. Вот только, кажется, ничего поделать нельзя. Хотя я же могу просто проигнорировать любовницу мужа. Почему нет?

Пока переминаюсь с ноги на ногу, мучаясь сомнениями, дверь в конференц-зал распахивается. Поворачиваю голову и не могу сдержать вздох.

Аркадий Викторович закрывает за собой дверь, прежде

чем сосредоточиться на мне. Он засовывает руки в карманы джинсов, наблюдает за тем, как я отталкиваюсь от стены и заправляю волосы за ухо. Под пристальным, нечитаемым взглядом мужчины чувствую себя нашкодившей девчушкой, которая в песочнице ударила другого ребенка лопаткой по лбу. Жар приливает к щекам, и я опускаю глаза.

— Иди за мной, — строго говорит или, скорее, приказывает Аркадий Викторович, после чего проходит мимо.

Желудок ухает вниз, а ноги становятся ватными. Но решаю все-таки последовать за мужчиной. Он широкими шагами быстро преодолевает административный коридор, направляясь в крыло креативщиков. Мне приходится почти бежать, чтобы не отставать от него.

Сначала думаю, что Аркадий Викторович заведет меня в свой кабинет в начале коридора, чтобы «серьезно поговорить» о профессиональной этике, но мужчина проходит мимо. До открытого пространства, где «живет» креативный отдел, тоже не доходит, открывает дверь посреди коридора. Понимаю, куда Аркадий Викторович меня привел. Мои брови ползут вверх еще до того, как я захожу за мужчиной внутрь.

Комната отдыха для персонала и по совместительству кухня, очень кстати, оказывается пустой. Коричневые стены завешены разными панно, сделанными чьими-то талантливыми руками. Чего только стоит медное дерево с зелеными лепестками, сильно напоминающими настоящее, которое рас-

тянулось за диваном в бежевой обивке. Большой прямоугольный стол стоит посреди комнаты с восемью стульями. На нем вижу вазу с конфетами и пару откупоренных шоколадок. Белоснежный холодильник в дальнем углу еле слышно гудит. Запах кофе вызывает урчание в животе. Принюхиваюсь, тяну носом в сторону кофемашины, стоящей на столешнице, накрывающей напольные шкафчики и соединяющей их с раковиной. Только сейчас понимаю, что не ела целый день.

Аркадий Викторович, кажется, слышит выдающий меня с потрохами звук, потому что на мгновение замирает, после чего пересекает пространство комнаты и останавливается у кофемашины.

— Садись, — он бросает на меня взгляд и указывает подбородком на диван, после чего отворачивается.

Уверенными движениями Аркадий Викторович берет белоснежную большую кружку с мойки, ставит ее в нужную нишу, нажимает на кнопки. Кофемашина начинает гудеть. Я же не могу отвести взгляда от его широкой спины, обтянутой белоснежным свитером. Хоть он достаточно просторный, но все равно не скрывает «мощи» мужчины. Вздыхаю и ловлю себя на том, что пялюсь. Щеки вновь начинают пылать, и я, опустив голову, быстро иду к дивану. Сажусь сбоку на самый краешек и смотрю на свои руки.

С тех пор, как я улетела в Лондон, совсем забыла о маникюре, а кожа из-за отсутствия нормального солнца стала

слишком бледной. На ней отчетливо виднеются синие вены.

— Молоко? — голос Аркадия Викторовича звучит неожиданно, и я вздрагиваю.

Поднимаю голову. Мужчина стоит перед открытым холодильником. Качаю головой. Аркадий Викторович закрывает дверцу, так ничего и не взяв. В этот момент как раз затихает кофемашина. Терпкий запах молотых зерен становится насыщеннее. Это вызывает очередное бурчание у моего желудка. Глажу живот в попытке его немного успокоить. Нужно всего немного потерпеть, а потом я обязательно куда-нибудь зайду поесть.

Пока я пытаюсь договориться с организмом, Аркадий Викторович берет кружку с кофе и идет ко мне. Тут же напрягаюсь. Задерживаю дыхание, наблюдая за приближением мужчины. Пальцы, лежащие на коленях, подрагивают.

Приходится задрать голову, когда Аркадий Викторович останавливается передо мной и протягивает кружку. Перевожу взгляд с лица мужчины на его руки и обратно. Спустя несколько секунд соображаю, что нужно сделать. Обхватываю горячую кружку руками и тут же одергиваю их. Слышу недовольный вздох, после чего Аркадий Викторович перехватывает кружку пальцами за основание и поворачивает ручкой ко мне. Когда понимает, что я крепко держу ее, отпускает. Поворачивается к столу, что-то берет оттуда и бросает мне на колени.

Опускаю взгляд, вижу шоколадку и удивленно смотрю на

мужчину.

— Ешь, — Аркадий Викторович упирается бедрами о стол и складывает руки на груди.

Не двигаюсь. С одной стороны, желудок снова начинает бунтовать, когда в ноздри забивается аромат кофе, с другой — не уверена, что мне кусок в горло полезет. Но, когда вижу вздернутую бровь Аркадия Викторовича, сразу же забираюсь пальцами в фольгу и отламываю кусочек. Не глядя, забрасываю его в рот, недолго жую и проглатываю. Делаю глоток кофе, запивая сладость горечью, и ощущаю, как мне становится легче. Намного.

Съедаю еще пару кусочков. Тянущее чувство в животе слабеет. Вздыхаю, расслабляясь. Откладываю шоколадку на диван и поднимаю глаза. Пока ела, ощущала на себе пристальный взгляд, но старалась не обращать на него внимания. Сначала нужно было утолить голод. А теперь, когда меня чуть-чуть отпустило напряжение, я готова принять «головомойку».

— Это было непрофессионально, — Аркадий Викторович качает головой.

— Я знаю, — обхватываю немного остывшую кружку двумя руками и опускаю взгляд на коричневую жидкость.

Вижу в отражении свои глаза. Вот только… в них нет раскаяния. И вряд ли это укрылось от Аркадия Викторовича.

— Постарайся следующий раз не опускаться до ее уровня, — вздергиваю голову и, приоткрыв рот, смотрю на мужчину.

Он стоит в той же позе, только брови сводит к переносице.
— Не понимаю, почему Николай все еще не избавился от Анжелики. Тем более, за полгода, которые она работает в компании, особой пользы я от нее не увидел. Пару раз даже находил за ней косяки, но да ладно. В этом вопросе решение принимать не мне.

Если моя челюсть могла бы упасть на пол, то она точно там оказалась бы. А так я лишь смотрю на Аркадия Викторовича во все глаза и стараюсь размеренно дышать.

— По поводу твоего дизайна. Мне понравилась концепция «Холод». Думаю, мы с Николаем ее утвердим, — звук пришедшего сообщения заставляет меня потянуться к брюкам, но я вовремя замечаю, что Аркадий достает телефон из кармана джинсов. Но не разблокирует. — Но проект нужно будет доработать. Составь несколько вариантов дизайна в предложенной тобой цветовой гамме. Подбери поставщиков среди проверенных нами. Вышлю тебе список на почту. Плюсом, нужно будет продумать нюансы декора. Но это уже детали, обсудим их позже, а сейчас допивай кофе, возвращай себе самообладание и езжай домой. Завтра в девять жду тебя у себя в кабинете. За сегодня тебе подготовят рабочее место, — он смотрит в телефон, пробегается взглядом по экрану и начинает быстро печатать.

А я сижу на месте и не могу пошевелиться. Кажется, впервые в жизни кто-то незнакомый встал на мою сторону.

— Аркадий Викт…

— Просто Аркадий, — он бросает быстрый взгляд на меня, прежде чем снова вернуться к телефону.

— Аркадий, — облизываю пересохшие губы, — я, правда, не хотела… там…

Мужчина отрывается от экрана и склоняет голову набок.

— Я знаю, — его взгляд теплеет, или мне просто кажется? — Допила? Мне нужно, чтобы ты завтра была во всеоружии, предстоит много работы.

Благодарно улыбаюсь и встаю.

— Больше не хочу. И спасибо вам. За все, — слегка улыбаюсь.

Аркадий просто кивает, что-то хочет сказать, но ему снова приходит сообщение. Он сразу же смотрит на экран и хмурится. Не хочу ему мешать.

— Я тогда пойду? — мой голос звучит немного неуверенно.

— Да, — Аркадий не отрывается от телефона. — Не забудь, завтра в девять.

Я киваю, а внутри разливается спокойствие.

Иду к мойке, споласкиваю кружку. Хочу уже уйти, как вспоминаю про недоеденную шоколадку. Нехорошо будет оставить ее на диване, поэтому возвращаюсь. Подхватываю половинку плитки в фольге и перекладываю ее на стол, всем телом ощущая энергию мужчины. Передергиваю плечами, чтобы сбросить ее, и разворачиваюсь.

— Всего доброго, — смотрю напоследок на Аркадия. Он

поджимает губы, часто дышит и что-то быстро-быстро набирает в телефоне.

Решаю не мешать. Успеваю сделать всего лишь шаг и… цепляюсь за свою же ногу. Лечу носом прямо в пол. Зажмуриваюсь. Выставляю руки перед собой. Готовлюсь к удару. Но ничего не происходит. Вместо боли чувствую сильные руки вокруг талии. После чего меня резко тянут наверх. Прижимают к сильному телу. Распахиваю веки, только когда снова твердо стою на ногах. Встречаюсь взглядом с нереальными бледно-голубыми глазами. Мы стоим так близко, что наше дыхание смешивается.

Жар от щек распространяется по телу, пылая сильнее в местах, где мое тело соприкасается с Аркадием. Не знаю, что сказать, и нужны ли слова. В любом случае, не уверена, что смогла бы выдать что-то путное. Потому что дыхание застревает в груди, а мысли путаются.

— Кхм… кхм — громкое покашливание заставляет нас с Аркадием одновременно повернуть головы.

В дверях, сжимая телефон и приподняв бровь, стоит Глеб. Он смотрит на нас, не отрываясь. С укором. На его лице начинает появляться обещающая скорую расправу жесткая усмешка.

Глава 9

Делаю шаг назад. Сильные руки соскальзывают с моей талии, а успокаивающее тепло пропадает. Сердце ненадолго замирает, но лишь для того, чтобы начать биться с удвоенной скоростью. До этого момента я думала, что видела Глеба любым. Но сейчас понимаю, как сильно ошибалась. От мужа веет яростью. Чистой, холодной… необъяснимой. Брови Глеба сведены у переносицы, губы сжаты в одну линию, а глаза сверкают. Невольно отхожу назад, когда вижу, что он начинает приближаться.

— А ты времени зря не теряешь, — несмотря на обуревающие его эмоции, Глеб входит на кухню развалистой походкой, даже рук из карманов не вынимает. Вот только взгляда, пропитанного отвращением, от меня не отрывает. Он останавливается передо мной, осматривает с ног до головы, только после этого заглядывает мне в глаза. Уголок его губ ползет вверх. — Мы еще толком не развелись, а ты уже на другого мужика вешаешься? Как я вижу, ты совсем не изменилась.

Глеб злобно усмехается, а я теряю дар речи. На секунду начинаю подозревать, что у меня появились слуховые галлюцинации. Но глядя на мужа и видя гнев, плескающийся в его глазах, понимаю, что он действительно только что обвинял меня в… измене. Он? Меня?

Ну уж нет! Глеб точно не имеет права предъявлять мне

такие претензии, учитывая его «шуры-муры» с Ликой.

Набираю в грудь побольше воздуха, готовая вылить на него всю обиду, которая скопилась за последние два года, но не успеваю ничего сказать. Краем глаза замечаю движение рядом. После чего передо мной вырастает «стена» в виде Аркадия.

— По-моему, ты переходишь границы, — он говорит спокойно, но его спина напряжена, а плечи приподняты, что не скрывает даже массивный свитер. — Забыл о хороших манерах? Даже если и так, то быстро вспомнишь, ведь разговариваешь с женщиной.

— По-моему, это ты переходишь границы. Как я разговариваю со своей, — Глеб выделяет последнее слово, — женой, тебя не касается, — он смотрит на Аркадия с превосходством, выгнув бровь.

Задыхаюсь то ли от возмущения, то ли от наглости, исходящей от Глеба. Не могу поверить, что он устраивает скандал при постороннем человеке. С меня хватит! Он может думать обо мне все, что угодно. Но обращаться со мной, словно я последняя шалава, тем более перед человеком, с которым мне предстоит работать, — это слишком.

Выхожу из-за спины Аркадия. Становлюсь рядом с ним. Стараюсь размеренно дышать.

— Глеб, остановись! — произношу жестко, сжимаю кулаки, пытаясь сохранить хоть долю спокойствия, которая у меня осталась. — Мы с тобой уже все выяснили. Нашему

браку — конец. Совсем скоро разведемся. Осталось немного потерпеть, а потом будем друг другу просто коллегами. И то ненадолго. Проект закончится, и наши пути разойдутся. Навсегда, — к моему удивлению, голос не дрожит, только под конец становится совсем тихим.

Глеб поджимает губы. Окидывает меня ненавистным взглядом, после чего хмыкает.

— А ты еще бóльшая дрянь, чем я думал, — его голос пропитан язвительностью.

Слова бьют меня по лицу похлеще пощечины. Я задыхаюсь. Смотрю на Глеба так, будто вижу впервые. За что он так со мной?

Аркадий кладет ладонь на плечо моего мужа, сжимает, пытаясь переключить его внимание на себя.

— Тебе нужно успокоиться, — произносит он размеренно.

Глеб откидывает руку архитектора и хватает мое запястье, сжимает до боли.

— Не вмешивайся не в свое дело! — рычит муж и идет на выход, мне ничего не остается, кроме как последовать за ним.

Он не оборачивается, пока тащит меня по коридору. Не останавливается, когда я спотыкаюсь и чуть не врезаюсь ему в спину. Задерживается только для того, чтобы открыть дверь в начале коридора. Затаскивает меня в тамбур, ведущий на лестницу.

— Пусти, — пытаюсь выдернуть руку, но только делаю себе больнее. — Глеб, отпусти, — торможу, пятками впиваясь в пол.

Муж разворачивается так резко, что я ненадолго теряю равновесие. И если бы он разжал пальцы, то я точно приземлилась бы на задницу. К счастью, Глеб все еще держит меня, поэтому мне удается найти опору под ногами, прежде чем я поднимаю взгляд.

Сразу же жалею об этом. В глазах мужа отражается настолько сильная, испепеляющая ярость, что та, что была на кухне, кажется слабым огоньком перед пожаром.

Шагаю назад. Глеб идет на меня. Не останавливаюсь. Двигаюсь спиной вперед, пока не врезаюсь в стену. Холод бетона подпитывает страх, комом разрастающийся в груди. На спине выступает холодный пот. Кровь шумит в ушах. Глеб сокращает расстояние, разделяющее нас. Останавливается совсем близко. Запирает меня в оковах своего тела, упираясь локтями в стену. Приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза, посылающие в меня стрелы ненависти. Чувствую себя мышкой, которая попалась в руки голодного кота.

Глеб наклоняется ко мне, приближая лицо к моему. Не разрывает зрительный контакт, когда тихо произносит:

— Это же с ним ты спала два года назад?

У меня уходит пара секунд, чтобы разобрать смысл слов сквозь шум в ушах. Округляю глаза.

— Что?

— Не строй из себя невинность, — Глеб отталкивается от стены. — Я все знаю, — начинает расхаживать туда-сюда по небольшому пространству.

— О чем ты? Я никогда тебе не изменяла, — к щекам приливает кровь, стоит добавить тише: — У меня вообще никого, кроме тебя, не было.

— Вот не надо врать! — Глеб резко останавливается передо мной. — Я все видел своими глазами, — он хищно улыбается. — Тем более, ты сама призналась.

— О чем ты?

Глеб. Два года назад: за неделю до ситуации в душе

— Глеб, — сидя в кафе, слышу знакомый женский голос.

Ставлю чашку из-под кофе на блюдце рядом с двумя пустыми и отрываю голову от бумаг.

Лика, подруга моей жены, в коротком белом платье стоит на входе и машет рукой. Вздыхаю, после чего выдавливаю из себя улыбку. Она явно воспринимает это как знак, и вместо того, чтобы выбрать любой свободный столик, стуча по паркету тонкими каблуками, идет ко мне.

Недовольство расцветает в груди, но я заталкиваю его подальше. Откидываюсь на мягкую спинку коричневого дивана и заглядываю в панорамное окно. Солнце забралось высоко на небо. Люди, изнывающие от жары, куда-то спешат. А здание через дорогу из черного стекла, наверное, нагре-

лось. Мне тоже жарко, даже несмотря на черную футболку и легкие брюки, которые я надел вместо делового костюма. Тру виски, пытаясь избавиться от головной боли, и перевожу взгляд на подошедшую девушку.

— Пообедать зашел? — Лика без спроса садится напротив и кладет телефон на стол. — Вот проходила мимо, увидела тебя, дай, думаю, поздороваюсь.

Она так широко улыбается, что я проглатываю рвущуюся наружу просьбу оставить меня одного. Закрываю папку с документами, которые мне нужно проверить для открытия собственной фирмы, и отодвигаю ее подальше.

Светловолосая официантка в белой блузке и темно-зеленом фартуке такого же оттенка, как стена за ее спиной, останавливается у нашего столика и протягивает Лике меню.

— Ты не против, если я с тобой пообедаю? — Лика принимает папку. — Весь день ничего не ела.

Подавляю вздох разочарования.

— Можно мне еще кофе? — обращаюсь к официантке, глядя на пустые чашки на столе.

Девушка прослеживает за моим взглядом и густо краснеет.

— Конечно, — бормочет она и быстро собирает грязную посуду. — Вы еще не определились? — смотрит на Лику.

— А разве не видно? — подруга жены бросает на девушку презрительный взгляд.

Официантка краснеет, снова просит прощения и исчеза-

ет, оставляя меня наедине с Ликой, которая нерасторопно листает меню. С каждой новой страницей она кривится сильнее.

— Да-а-а, — тянет себе под нос. — Выбор блюд так себе, — захлопывает папку и отодвигает от себя.

Поднимает голову. Всего на мгновение в ее глазах мелькает отвращение, прежде чем Лика с благоговением смотрит на меня.

Раздражение ползет по коже. Складываю руки на груди, чтобы хоть как-то его утихомирить. Я часто ловил на себе подобный взгляд подруги жены и старался держаться подальше от нее. Но, когда она сама врывается в мое личное пространство, я ничего не могу поделать. Не посылать же ее в открытую.

— Как у тебя дела? Что-то давно мы не виделись. С Дашкой мы хотя бы на практике пересекаемся, а ты куда-то пропал, — Лика ставит локти на стол и переплетает пальцы, всем своим видом показывая, как заинтересована в ответе.

Едва не закатываю глаза.

— Работы много, — пожимаю плечами и бросаю взгляд на папку с документами.

Она явно не понимает намека, только кладет подбородок на сцепленные руки.

— Да? А чем ты сейчас занимаешься? — в ее глазах мелькает неприкрытое любопытство.

— Много чем, в основном оказываю юридические кон-

сультации и с отцом иногда работаю, — отвечаю уклончиво, мечтая лишь о том, чтобы меня оставили в покое.

— Кстати, а ты видел новые фотографии с нашей практики у Николая Петровича? — Лика берет телефон, нажимает на кнопку блокировки и, закусив губу, начинает быстро водить пальцем по экрану. — Вот, — она довольно улыбается, кладет телефон на стол и двигает ко мне.

Нехотя опускаю взгляд и сразу замечаю рыжие волосы жены. Она в зеленом платье сидит в окружении других людей и что-то бурно с ними обсуждает, сильно жестикулируя. Улыбаюсь уголками губ. Даша, как обычно, слишком эмоциональная.

— Там еще есть, — Лика нависает над столом, тоже глядя на экран.

Я выпрямляюсь и тянусь к телефону. Начинаю листать фотографии. Те, на которых нет Даши, перелистываю сразу, где же нахожу жену, рассматриваю внимательнее. Среди снимков попадается селфи Лики в белом нижнем белье, сделанное в зеркале — его смахиваю тут же. Уже передаю телефон девушке обратно, когда вижу очередную фотографию. С первого взгляда обычный офисный снимок — девушку сфотографировали, когда она изучала какой-то чертеж. Но задний план заставляет меня напрячься.

Стискиваю челюсти, присматриваясь. Даша стоит боком около окна рядом с каким-то мужиком и обворожительно ему улыбается. Его лица не рассмотреть за длинными тем-

ными волосами, зато то, как он нежно держит мою жену за руку, от меня не скрывается.

— Ой, — Лика хватает телефон и засовывает его под стол.

Я медленно поднимаю взгляд на девушку.

— Кто это? — цежу сквозь стиснутые зубы.

— Да так, — Лика подрывается с места, стреляет глазами в сторону выхода, собираясь уйти, но не делает ни шага. Ее плечи опускаются, прежде чем она смотрит на меня. — Глеб, я не хочу вмешиваться в ваши с Дашей отношения. Тем более, твоя жена — моя лучшая подруга. Но я бы на твоем месте присмотрелась к ней и к ее новым знакомым.

Лика разворачивается и уходит, а я остаюсь наедине со своими мыслями, понимая, что ни о чем, кроме жены и какого-то мужика, думать больше не могу.

Глеб. Два года назад: за три дня до ситуации в душе

Створки лифта разъезжаются. Я выхожу из кабины и направляюсь к кабинету отца.

Черт знает что заставляет меня повернуть голову в сторону крыла, где находится креативный отдел. Но, похоже, срабатывает чутье. Потому что в глаза сразу же бросаются рыжие кудри жены.

Жгучая ярость закипает в венах. Сжимаю кулаки, наблюдая, как прямо в коридоре главный архитектор прижимает к себе Дашу, одетую в короткое красное платье. Она поднимает голову, что-то ему говорит, после чего мимолетно улы-

бается. Выбирается из его рук и идет дальше по коридору. Аркадий долго смотрит ей вслед. После чего разворачивается, встречается со мной взглядом, ухмыляется и заходит в свой кабинет.

Глеб. Два года назад: день, когда произошла ситуация в душе

Лежу, засунув руки под голову, на шезлонге во дворе загородного дома родителей перед бассейном и пытаюсь понять, когда моя размеренная семейная жизнь начала разваливаться. У нас же с Дашей было все хорошо, но в какой-то момент мы начали отдаляться друг от друга. Меня завалило работой, она закопалась в учебе. Мы стали жить больше как соседи, чем любящие друг друга люди.

Прикрываю глаза и тут же распахиваю их, когда тень загораживает палящее солнце. Вижу Лику в ярко-розовом купальнике и с бокалом белого вина, стоящую рядом со мной.

— Привет, — произносит она, ее язык немного заплетается. — А где Даша?

— У нее проблемы на учебе, но скоро должна приехать, — говорю машинально и перевожу взгляд на прозрачную воду, в которой отражается солнце.

— Оу, — Лика наигранно округляет неестественно пухлые губы.

— Что? — сужаю глаза, чувствуя, как все внутри напрягается.

Она мотает головой. Пошатывается. Немного вина выплескивается из бокала на газон.

— Говори уже, — рычу и сажусь на шезлонге.

— Я просто слышала, как она по телефону договаривалась с кем-то о встрече, — на лице у девушки появляется страдальческое выражение. — В разговоре точно проскользнуло слово «квартира», и голос ее собеседника был мужским.

Пристально смотрю на Лику, пытаюсь найти на ее лице признаки лжи. Хоть что-то. Но ничего не вижу. Совсем. Либо она хорошая актриса, либо вино притупляет эмоции, либо…

Подрываюсь на ноги, стягиваю футболку, шорты и сразу же ныряю в воду.

Глеб. Два года назад: две недели после ситуации в душе

Лежу в кровати и смотрю на серость за окном. Шквалистый ветер качает высокие сосны, а проливной дождь стучит по стеклу. Боль утихла, и пелена спокойствия заволокла мысли. Наконец-то.

Все полетело к чертям! Я готов это признать!

Теперь нужно понять, как разобраться со случившимся. Понять, как все исправить.

Телефон вибрирует на тумбочке. Тянусь к нему. Сажусь на кровати, опираясь на подушки. Успеваю только разблокировать экран, как в уведомлении вижу имя жены. В груди все сжимается, когда открываю сообщение.

Глеб, не знаю, сказали ли тебе, но я улетаю в Лондон. Учиться. На самом деле, я уже в аэропорту. Смотрю на взлетающие самолеты. Но глядя на них, поняла, что не смогу улететь, пока не поговорю с тобой.

Что в последнее время произошло с нашей семьей? Я думала, у нас все хорошо, пока счастье не начало просачиваться сквозь пальцы (как же пафосно звучит:)). Но сути это не меняет. В какой-то момент мы начали отдаляться друг от друга. Перестали уделять внимание НАМ. Всегда были другие дела. Мне кажется, я видела тебя за последний месяц всего пару раз. А когда-то мы не могли оторваться друг от друга. Постоянно прикасались, обнимались, целовались. Помнишь?

Прости за сумбур — я просто пытаюсь в сообщение переложить весь хаос, который творится в моей голове последние две недели. Не знаю, куда ты пропал, но все это время ждала тебя.

Знаешь, я всегда думала, что измена — это то, что нельзя простить. Но может быть, ошибалась? Возможно, у нашей семьи есть шанс? Если это так, позвони, пожалуйста. Или хотя бы напиши. В любом случае, дай знать, что с тобой все в порядке.

Кажется, я все еще люблю тебя… и никогда не перестану.

Где-то через час я сяду в самолет. Если ты не попыта-

ешься со мной связаться, я пойму, что все кончено…

Сжимаю телефон в руке. Стараюсь дышать размеренно. Но ярость заволакивает мысли похлеще пелены от лекарств. Снова бросаю взгляд на экран, но все, что вижу — это «измена» и «простить». Замахиваюсь и со всей дури бросаю телефон в стену.

Даша, наше время

— Да ладно?! А тогда это что такое?! — Глеб вытаскивает телефон из кармана брюк, что-то находит в нем и сует его мне в руки.

Пробегаюсь взглядом по сообщению, которое отправила ему в аэропорту. Тяжело сглатываю. Поднимаю голову.

— Значит, ты его все-таки получил, — смотрю на мужа, чувствуя, как затянувшиеся раны на сердце начинают открываться вновь.

— Конечно, два года назад, — Глеб цедит, а мне становится трудно дышать.

Протягиваю ему телефон.

— И что ты хочешь этим доказать? — фыркаю, когда Глеб выхватывает гаджет из моих пальцев.

— Ты серьезно?! — он повышает голос и смотрит с такой лютой ненавистью, что я невольно сжимаюсь, но быстро расправляю плечи — меня не в чем винить. — Там черным по белому написано «измена».

Телефон в кармане начинает звонить, но я его игнорирую. Все мое внимание сосредоточено на Глебе.

— Да, там написано об измене, — раздражение разносится по венам, — о твоей! — почти кричу. — Или ты хочешь сказать, что не спал с Ликой?

— Спал, — он зловеще улыбается, — но не два года назад.

Я закатываю глаза. Телефон замолкает, но через секунду начинает разрываться вновь.

— Ну да, — сарказм в голосе прикрывает агонию, которая разносится по моему телу и заставляет гореть каждое нервное окончание. — Я приезжала на день рождения брата и поднималась в твою комнату. Стоны в душе тоже слышала. И Лика, которая вышла первой, призналась мне, что с ней был ты! Ах да, еще добавила, что вы теперь вместе, и сказала, что это «сюрприз», — рисую воздушные кавычки в воздухе, кривясь. — Неужели ты сейчас будешь отрицать, что в тот день Леши трахал мою лучшую подругу?

Брови Глеба сильнее сужаются над переносицей, а губы превращаются в тонкую линию. Мой телефон перестает издавать звуки. Но внезапно распахивается дверь.

На пороге стоит мой брат. Он выглядит слишком бледным. Сначала смотрит на Глеба, а потом переводит взгляд на меня. В его глазах мелькает… вина?

— Это не Глеб был тогда в душе, — он одной рукой сжимает телефон, а второй — ручку двери.

— А кто? — замираю, боясь услышать его ответ.

— Я!

Глава 10

Секунда.

Я не думала, что она может длиться так долго.

Смотрю на брата и вижу боль, отражающуюся в его глазах. Всего одно слово… Вроде так просто, но оно не может уложиться у меня в голове. Кажется, что правда ускользает сквозь пальцы, хотя она уже у меня в руках.

Нужна всего секунда на осознание. А потом… ярость застилает глаза.

— Вот не надо! — взмахиваю руками. — Понимаю, что Глеб — твой друг. Но брать его вину на себя — это уже перебор, — отталкиваюсь от стены, но тут же замираю, натыкаясь на жесткий взгляд Глеба.

За его спиной замечаю лестницу. В голове мелькает мысль воспользоваться ей.

— Дашик, — полный боли голос брата стирает мысль о побеге в пыль. Смотрю на него. Сердце замирает. — Я бы никогда не стал врать о таком.

Вдох.

Воспоминания проносятся перед глазами. Как наяву слышу хриплые мужские стоны, женские «еще, давай, жестче». Вижу злосчастную белую дверь, Лику в одном полотенце, вещи мужа. Чувствую режущую на мелкие кусочки боль, которая разрывала грудь, когда я услышала о «сюрпризе».

Это все было ложью?

Выдох.

Тело слабеет. Колени подкашиваются. Упираюсь ладонью в стену.

— Я… — Леша прочищает горло, — я не знал, что ты все слышала… прости, — его щеки краснеют, хотя сам он выглядит мертвецки бледным. — Не думал, что моя… ошибка могла навредить еще кому-то.

Ошибка? Ошибка, значит! Сжимаю пальцы свободной руки в кулак. Впиваюсь ногтями в ладонь.

— А как же Лена? Вы из-за этого… — слова застревают в груди, когда я опускаю взгляд на руку Леши. Пазлы начинают складываться в единую картину. Смотрю брату прямо в глаза. — Как ты мог?

Леша отворачивает голову, будто от удара. А у меня горят ладони.

Хочется рвать и метать, но сил нет. Они покидают меня ровно в тот момент, как осознание накрывает с головой.

— Какая же я дура… — бормочу.

Пытаюсь сделать вдох, но понимаю, что не могу. Хватаюсь за горло.

Мне нужен воздух. Свежий воздух.

Снова смотрю на лестницу.

Ее закрывает Глеб, который делает шаг ко мне.

— Даша, — его голос действует на барабанные перепонки. Кажется, еще одно слово, и они лопнут.

Я рассыпаюсь на осколки, и меня не собрать воедино.

Резко отталкиваюсь от стены. Отталкиваю брата от входа. Выбегаю в коридор. Иду быстро. Почти бегу. Ничего не замечаю вокруг. Горло сдавливает. Дыхание спирает. Но я не останавливаюсь.

— Пусти! — рычание прорывается сквозь шум в голове. — Мы с тобой еще поговорим!

Вижу лифт. Ускоряюсь. Не вижу ничего, кроме металлических дверей.

Сердце быстро колотится. Жар приливает к коже. Кажется, я горю.

Оттягиваю воротник блузки. Спотыкаюсь. Сразу же восстанавливаю равновесие. Подлетаю к лифту. Нажимаю на кнопку.

Жду…

Жду…

Жду…

Шаги сзади приближаются, ускоряя и без того несущееся сердце. Дышу через рот. Снова жму на кнопку. Но лифт где-то застрял. Цифры «один» над дверцами до сих пор не меняются.

Горячие, сильные пальцы оборачиваются вокруг моего запястья. Меня разворачивают.

Поднимаю голову, встречаюсь с карими глазами мужа… и впервые с момента возвращения не вижу в них жесткости. В глубине плещется тепло. Совсем такими, как я их помню.

— Даша… — тихо говорит Глеб, а я чувствую, что осколки, которые остались от меня, разрывают душу.

— Почему? Почему мы не могли просто поговорить? — шепчу между всхлипами. Не могу удержать слезы.

Они текут по щекам, туманят взор, размывают лицо Глеба. Поэтому я не уверена, что те эмоции, которые я вижу, не мое воображение.

— Наверное, мы не любили друг друга, — шепчу и судорожно вздыхаю.

— Даша, — в голосе Глеба проскальзывает нежность, смешанная с раскаянием, вызывая еще больший поток слез.

— Не надо, — мотаю головой. — Не сейчас… пожалуйста, — тяну руку на себя, и… он опускает.

Появляется ощущение, что я теряю Глеба. На этот раз навсегда.

Прикрываю рот рукой. Разворачиваюсь к лифту. Поднимаю глаза на цифры над дверями.

… восемнадцать…

… девятнадцать…

— Глебушка, почему ты не сказал, что приедешь? — приторный голосок и стук каблуков сзади распаляют внутри меня неконтролируемый пожар.

Слезы высыхают моментально.

Выпрямляюсь.

Поворачиваюсь.

Лика стоит в проеме дверей в административный кори-

дор. Стискиваю челюсти, огибаю Глеба. Иду прямо к ней. Она видит меня и делает несколько мелких шагов назад. Без сомнений, от нее не скрывается ярость, пылающая в моих глазах. На лице Лики появляется растерянность. Но это меня не останавливает. Подхожу к ней, встаю почти вплотную, замахиваюсь и со всей дури влепляю Лике пощечину!

Ладонь горит. На этот раз по-настоящему.

Лика хватается за щеку. Зыркает на меня, будто не может поверить в произошедшее. Ее рот приоткрывается, но из него не вылетает ни звука. Смотрю на когда-то лучшую подругу и… чувствую лишь отвращение.

Как девчонка с двумя русыми косичками и в квадратных очках могла превратиться в тварь, которая разрушила жизни стольких людей? Что с ней стало? А главное, когда?

Но не проходит мгновения, как я понимаю, что мне плевать! Лика перешла все границы. Она должна за это поплатиться!

Сжимаю кулаки, подавляя желание вцепиться ей в волосы и хорошенько оттаскать. Вместо этого делаю шаг к ней, не отводя взгляда от бесстыжих глаз. Лика отшагивает назад, но недостаточно. Настигаю ее сразу же.

Между нами почти не остается свободного расстояния, когда я цежу сквозь стиснутые зубы:

— Думаю, не нужно объяснять за что?

Вздергиваю бровь и разворачиваюсь на пятках. В этот момент дверь в приемную Николая Петровича распахивается,

и на пороге появляется свекор. Он смотрит на створки лифта, которые как раз начинают открываться. Из кабинки выходит мужчина: высокий, темноволосый, в сером костюме, который идеально сидит на нем. Каждая деталь в образе гостя продумана до мелочей, начиная с запонок на манжетах, заканчивая волосами, с первого взгляда выглядящими просто растрепанными ветром. Он останавливается, сделав всего несколько шагов. На лице нет ни единой эмоции. Мужчина пустыми глазами обводит холл. Глеба он пропускает. Задерживается на Николае Петровиче, кивает ему, после чего продолжает скользить взглядом. Когда его взгляд касается меня, едва не дергаюсь. Такого обжигающе холодного пламени я на себе не чувствовала. Широкие брови, нависающие над глазами мужчины, добавляют ему опасности, как и выцветший тонкий шрам на щеке. Гость Николая Петровича смотрит за мою спину. Уголок его губ скользит вверх, отражая на лице жесткую усмешку, которая не касается глаз.

Время в холле будто замирает и снова восстанавливает свой ход только после того, как Николай Петрович отрывается от двери в приемную и направляется к мужчине. По пути проводит взглядом по холлу и поджимает губы, когда видит меня и Лику. Но быстро отворачивается, а я чувствую, что могу, наконец, выдохнуть.

— Александрович, что привело вас в мой офис? — Николай Петрович останавливается на приличном расстоянии от гостя, протягивает ему руку, которую через пару мгновений

опускает так и не пожатой.

— Вы же искали встречи, — Александрович чуть склоняет голову набок, провоцируя свекра. Николай Петрович сжимает пальцы в кулак. — Вот я и пришел.

Тишина никогда не казалась мне такой гнетущей, хоть и длится всего несколько секунд. Напряжение, исходящее от двух мужчин, сверлящих друг друга взглядами, настолько сильное, что хочется провести ладонями по плечам, чтобы смахнуть его. Лика, которая все еще находится сзади, не помогает расслабиться. Как и Глеб. Он не смотрит на отца. Его взгляд не отрывается от меня. Или это мое воображение, и смотрит он на Лику?

— Пройдемте в мой кабинет, — Николай Петрович отходит в сторону и указывает рукой на открытую дверь.

Гость принимает приглашение. Он двигается бесшумно, словно вовсе не ступает на пол. Когда достигает меня, то на секунду останавливается и подмигивает. Подмигивает! И после этого продолжает свой путь.

Николай Петрович позволяет гостю первому зайти в кабинет, следует за ним.

— Не могли бы вы немного подождать? — раздается глуховатый голос свекра. — Света, приготовь Павлу Александровичу кофе. Я сейчас буду, — Николай Петрович снова выходит в холл и закрывает за собой дверь.

— Что вы здесь устроили? — шипит он, понизив голос. — Я старался не вмешиваться в ваши разборки, но сегодня вы

перешли все границы. Мне все равно, как вы решите проблемы. Просто разберитесь! Больше подобного балагана в своем офисе я не потерплю, — Николай Петрович бросает взгляд на Глеба, качает головой и разворачивается обратно к двери.

— Она… — улавливаю жалостливый голос, а также стук каблука за спиной.

— Даже слушать не хочу! — отрезает Николай Петрович и заходит в кабинет, аккуратно закрывая за собой двери.

Мы снова остаемся втроем.

Тело, которое все это время было напряжено до предела, начинает потряхивать. Опускаю взгляд на плитку, делаю несколько глубоких вдохов, пытаясь сохранить самообладание. Но плохо выходит. Особенно когда я вижу тень, промелькнувшую мимо меня на каблуках.

Вздергиваю голову. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лика бросается на шею Глебу. Она повисает на нем. Всхлипывает.

У меня брови ползут вверх, когда я слышу этот наигранный звук. А потом еще один такой же. Лика что-то шепчет Глебу в грудь. Мне удается понять только «за что», «она» и «давай». Остальное остается будто за пеленой, потому что меня словно окатывает ушатом холодной воды, когда я понимаю — Глеб ее не оттолкнул!

Боль, кажется, становится вечным моим спутником после возвращения. Она везде. Проникает внутрь с каждым вдохом. Заполняет грудь. Стягивает кожу.

Кусаю щеку, чтобы не позволить боли отразиться в глазах. Ведь Глеб, у которого на шее висит любовница, не отводит взгляда от меня. Смотрит пристально, проникновенно. Будто хочет что-то сказать, передать мысленно, но я не слышу. Не хочу ничего знать! Мне достаточно того, что я вижу. Он сделал выбор! Прямо здесь и сейчас!

Судорожно вздыхаю и на негнущихся ногах иду мимо «парочки» к лифту.

Шаги ровные. Голова гордо поднята. Движения четкие.

Нажимаю на кнопку вызова. На этот раз дверцы сразу же разъезжаются.

Захожу внутрь. Разворачиваюсь. Ловлю на себе два взгляда. Один — довольный Лики, как бы говорящий «Ну что съела? Победа за мной». Второй — Глеба, просящий понять.

Двери лифта закрываются, и я наконец могу нормально дышать.

Спускаюсь на первый этаж. Выхожу на улицу.

Но не успеваю отойти от здания, как телефон пиликает в кармане. Достаю его. Смахиваю пропущенные от брата. Помимо них в уведомлениях висит сообщение с незнакомого номера:

«Все не так, как ты думаешь».

Глава 11

Аккуратно стучу в приоткрытую дверь. Стараюсь ее не потревожить, но она все равно скрипит от движения.

— Я сегодня занят, — из кабинета доносится тихий голос Аркадия, после чего слышу протяжный выдох. — Давай потом поговорим, ко мне пришли.

Одергиваю широкое горло у бежевого вязаного платья в пол с вырезом чуть выше колена. Сжимаю в руке телефон. Переступаю с ноги на ногу. Не решаюсь зайти в кабинет, и уйти тоже не могу. Ведь Аркадий сам меня позвал.

— Я тебе перезвоню, — на этот раз голос мужчины звучит еще тише, но я все равно улавливаю, о чем он говорит. Слышу глухой стук, какое-то шуршание, а потом: — Войдите!

Делаю глубокий вдох, на секунду прикрываю глаза и толкаю дверь.

Я давно здесь не была, но вроде бы ничего не изменилось. Те же бежевые стены, что сохранились в памяти. На них висит множество рамок с черно-белыми фотографиями разных зданий. Два шкафа со стеклянными дверцами, стоящих друг напротив друга. На полках из папок «выглядывают» печатные копии утвержденных проектов. На огромном дубовом столе перед окном стоит не только большой монитор, но и навалены в кучу разные бумаги. Не представляю, как Аркадий находит что-то в этом хаосе. Сам архитектор располо-

жился в огромном офисном кресле, выглядящем очень мягким и удобным. Вот только обивка сливается с черной водолазкой на мужчине и подчеркивает бледность его глаз.

— Заходишь? — Аркадий приподнимает бровь, а я чувствую, как кровь приливает к щекам.

Переступаю порог и, глядя себе под ноги, направляюсь к Аркадию. Грубые ботинки удивительно мягко стучат по паркету. Жаль, что нельзя смотреть на них вечно. Стол быстро приближается, и мне приходится поднять голову. Нужно отдать должное Аркадию, он никак не реагирует на мое странное поведение.

— Я посмотрел проект бизнес-номеров, который ты мне прислала, — Аркадий находит мышку под бумагами, кладет ее на свободную поверхность, пару раз кликает. После чего поворачивает экран ко мне. — Ты чего стоишь? — мужчина хмурится, когда поднимает на меня глаза. — Садись, — указывает подбородком на стул для посетителей перед столом.

Я еще больше краснею и принимаю приглашение. Но сразу же понимаю, что плохо вижу, что на экране, поэтому встаю, двигаю стул чуть в сторону и уже после этого снова сажусь.

— Вот смотри, — Аркадий сильнее поворачивает экран, чтобы мне лучше была видна визуализация номера категории «Бизнес». В нем все стандартно: голубые стены, паркет, овальные пушистые коврики возле кровати. Только вместо журнального столика у окна я расположила в нише напротив

кровати рабочее место с офисным креслом в серой обивке, а на стену повесила несколько полок. — Пространство загромождено, — Аркадий берет черную с золотыми вставками ручку, а потом указывает на узкий проход между столом и кроватью. — Я в таких номерах расширю нишу до сюда, — переводит стержень на стену возле окна, где сейчас находится шкаф. — Давай поменяем их местами.

Аркадий водит ручкой по кругу и откидывается в кресле, а я киваю. Разблокирую телефон. Делаю несколько пометок, чтобы ничего не упустить. Эту привычку я завела еще в университете.

— Сколько времени у тебя займет подготовить проекты всех категорий номеров? — голос архитектора звучит напряженно, поэтому я подбираюсь.

Медленно отрываюсь от телефона. Прищурившись, смотрю на мужчину. Его челюсти плотно сжаты. Он опирается локтем на подлокотник, а между пальцами крутит ручку. Обычно я делаю также, когда нервничаю. Поэтому жаль, что сейчас в руках только телефон. Я могу лишь вжать пальцы в экран.

— Думаю, с учетом внесения правок, за неделю справлюсь, — нажимаю на кнопку блокировки на экране. А потом снова и снова. Действую машинально. — Я дома тоже работаю, чтобы успеть в срок.

Аркадий сжимает ручку в кулаке, смотрит на экран, но вряд ли видит — его взгляд расфокусирован.

— А раньше не получится? — мужчина так неожиданно бросает ручку на стол, что я невольно вздрагиваю.

— Что-то не так? — хмурюсь, начинаю постукивать ногтями по крышке телефона.

Аркадий ставит второй локоть на подлокотник, переплетает пальцы в районе груди и поджимает губы.

— Мне не нравится, что «крыса», слившая предыдущий проект, еще где-то здесь, — почти рычит он.

В голосе мужчины столько гнева, что хочется повести плечами, лишь бы он не осел на мне. Но в то же время я прекрасно понимаю его чувства. Уверена, Аркадий работал над проектом месяцами, если не дольше, а теперь все пошло насмарку. Точнее, в руки конкуренту. Меня от одной мысли передергивает, а в груди все сжимается.

Смотрю на соседнюю стеклянную высотку за окном, которая тоже является офисным зданием, а мысли уносятся в прошлое. Покусываю нижнюю губу, перебирая в голове варианты того, что могу сделать.

— У меня есть одна идея, как можно ускориться, — бормочу больше для себя, но, уверена, Аркадий тоже слышит. — Мне нужно найти старые файлы.

Перевожу взгляд на Аркадия и замечаю, как пристально он смотрит на меня.

Кажется, время останавливается. Аркадий не двигается, даже не моргает. Я задерживаю дыхание. Тело сковывает напряжение, посылая по коже волну мурашек. Во рту пересы-

хает, а в груди начинает жечь.

Телефон в руках звонит неожиданно, пронося по пальцам вибрацию и прерывая гляделки, вызванные непонятным наваждением. Опускаю взгляд — незнакомый номер. Хмурюсь. Он кажется смутно знакомым, но сейчас не получается вспомнить откуда. Нажимаю на кнопку сбоку, глушу звук.

Не решаюсь посмотреть на Аркадия, боясь снова попасть в непонятный плен.

Прочищаю горло.

— Я, наверное, пойду, — произношу едва слышно.

— Иди, — звучит спокойно, но по телу будто волна разряда проносится.

Вскакиваю с места и, не оборачиваясь, выхожу в коридор. Закрываю за собой дверь, но не успеваю сделать шага, как телефон снова начинает звонить. Опять незнакомый номер.

Не понимаю почему, но, когда отвечаю на звонок, уже знаю, чей голос услышу:

— Даша.

— Глеб.

— Можем встретиться? — вместе со словами слышу хлопок двери и сигнал автомобиля.

Сердце бьется так громко, что я чувствую его отголоски в голове. Дыхание перехватывает. Ладони резко становятся влажными. Мне приходится сильнее вцепиться в телефон, чтобы он не выскользнул.

— Зачем? — понижаю голос, замирая в коридоре недале-

ко от двери кабинета главного архитектора. Хоть у меня и было предчувствие, что услышу Глеба, ответив на звонок, но его голос освежает в памяти вчерашние события.

Я словно наяву вижу Лику, висящую на его шее. Ее взгляд «победителя». Его бездействие. Стискиваю челюсти и задаюсь вопросом, слышит ли Глеб скрип зубов?

— Нам нужно поговорить, — ветер заглушает голос мужа, но я все равно разбираю слова.

Они вызывают во мне бурю протеста, тушащую искру надежды, которая непонятно как вспыхнула в сердце.

— Не вижу в этом смысла, — произношу спокойно, хотя кажется, что голосовые связки натянуты похлеще струны.

— Не забывай, ты все еще моя жена! — рык Глеба прорывается даже сквозь вой ветра.

Отодвигаю телефон подальше от уха, с шумом выдыхаю, после чего подношу гаджет обратно.

— Ненадолго. Я уже попросила Лешу подготовить документы на развод, — сбрасываю вызов быстрее, чем Глеб успевает осознать услышанное.

Заправляю дрожащими пальцами волосы за ухо, делаю глубокий вдох и иду в конец коридора. К себе в кабинет. Захожу внутрь и не могу сдержать улыбку.

Утром мы с Аркадием встретились у входа в здание, а когда поднялись на лифте, мужчина сразу проводил меня к кабинету. Моему кабинету. Я неверяще посмотрела на архитектора, когда он открыл передо мной дверь.

Обычно рабочие места дизайнеров находятся в открытом пространстве, чтобы они могли общаться между собой, делиться идеями и помогать друг другу. Для меня же выделили отдельный кабинет. Аркадий объяснил это тем, что «горящие сроки требуют тишины», после чего сложил руки на груди и прислонился плечом к косяку, наблюдая за тем, как я с восхищением рассматриваю небольшую комнату.

В кабинете не было ничего особенного. Такие же бежевые стены, как везде. Пустой шкаф. Деревянный стол, компьютерное кресло, не такое, как у Аркадия, но все равно выглядящее достаточно удобным. И окно, из которого открывается вид на соседнее офисное здание. Но в воздухе витала особая атмосфера от того, что это теперь все для меня. Тем более, я сама могу добавить живости. Уже сделала пометку в голове забежать в магазин с товарами для дома и в цветочный. Но сначала нужно закончить с намеченной на сегодня работой.

Сев за стол, сразу же захожу в «облако», ввожу логин и пароль, до того, как в множестве папок найти одну под названием «дипломная работа», ведь темой моего диплома по окончанию бакалавриата оказался как раз дизайн-проект отеля. Поэтому, когда Аркадий попросил ускориться, мне в голову пришел единственный вариант, как это можно сделать. Я возьму несколько своих дизайнов номеров и немного видоизменю их. Чем я и начинаю заниматься, открыв файл «Апартаменты».

Время за делами проходит незаметно. Когда я бросаю взгляд на часы, они показывают восемь вечера. Потягиваюсь в кресле. Откидываюсь на спинку, пытаясь понять: остаться еще на несколько часов или же немного отдохнуть и вернуться завтра с новыми силами. Но бурлящий желудок принимает решение за меня. Я опять погрузилась с головой в работу, забыв о еде. Это нужно срочно исправить, потому что голодный дизайнер не может креативить. Вот только мысль не довести проект до конца не дает мне покоя, поэтому отправляю несколько файлов на «облако», чтобы закончить их дома, после чего со спокойной душой беру сумку, накидываю на плечи кожаную куртку и выхожу из кабинета.

Глаза болят из-за долгого сидения за компьютером. Тру их двумя пальцами, пока иду по хорошо освещенному коридору. Вот только стоит мне убрать руку, перед глазами начинают «бегать» пятна света. Приходится остановиться, пока зрение не становится четким. Как оказывается, не зря.

Лика в черном платье стоит у лифта рядом с незнакомой мне брюнеткой. Я вижу только их спины, но слышу тихий шепот. Сил на противостояние нет, а голова забита работой. Поэтому вместо того, чтобы нарваться на скандал с любовницей мужа, я решаю спуститься по лестнице. Тем более, мне не помешает размяться после дня, проведенного в сидячем положении.

Прохожу ступеньку за ступенькой, пролет за пролетом, и оказываюсь в холле. В нем горит приглушенный свет, что де-

лает большое пространство немного пугающим. Каждый мой шаг отражается от стен и эхом возвращается ко мне. Только благодаря охраннику, сидящему на ресепшене напротив входа, я не впадаю в панику и спокойно выхожу на улицу.

Сегодня на улице удивительно тепло, поэтому я, прикрыв глаза, поднимаю голову к темному небу. Делаю глубокий вдох. Свежий воздух наполняет легкие, и я улыбаюсь.

Как же хорошо… Мне давно не было так легко и спокойно.

Вот только блаженство не может длиться вечно… Не в моей жизни точно.

Звук подъезжающей машины заставляет меня вернуться в реальность. Напротив входа останавливается черный мерседес. Брови ползут вверх, когда я встречаюсь взглядом с мужчиной, сидящим за рулем и смотрящим на меня через лобовое стекло.

Глава 12

По телу проходит мелкая дрожь. Не знаю почему, но взгляд мужчины вызывает у меня желание бежать. Как можно быстрее. Но ноги словно прирастают к земле, пока я наблюдаю, как мужчина отстегивает ремень безопасности, открывает дверь машины, выходит. И все это он делает, не отрывая от меня темного, немигающего взгляда.

Черный костюм идеально сидит на нем. Шрам почти не заметен в темноте. Мужчина, имени которого я никак не могу вспомнить, останавливается передо мной и засовывает руку в карман брюк. Дыхание застревает в груди, когда я вижу черные, пытающиеся проникнуть внутрь меня глаза мужчины.

— Привет, — он криво усмехается, чуть склоняя голову набок.

Вот только, хоть убей, я не вижу дружелюбности на лице мужчины. Наоборот, нахмуренные брови, острые скулы, тонкие губы — все это говорит мне об опасности.

— Здравствуйте. Вы к Николаю Петровичу? — оглядываюсь, пытаясь понять, успеет ли охранник появиться, если я вдруг закричу, когда меня будут заталкивать в багажник. Вряд ли. Сразу же понимаю, насколько глупая мысль пришла мне в голову, заношу руку, чтобы ударить себя по лбу, но успеваю вовремя остановиться. — Не думаю, что он до

сих пор на месте, — пытаюсь улыбнуться, повернувшись к мужчине.

Его взгляд становится хищным, а усмешка — коварной.

— Не помнишь меня, да? — произносит он хрипло.

Тяжело сглатываю. Присматриваюсь. Что-то в мужчине кажется смутно знакомым, но вспомнить, где я его видела, не получается.

Мотаю головой.

Мужчина запрокидывает голову и раскатисто смеется несколько секунд, после чего резко возвращается в прежнее положение. Усмешка становится шире. Еще одна волна дрожи проходит по позвоночнику, и я делаю несколько мелких шагов назад. Сумка, зажатая в кулаке, бьет по ноге.

— А ты не изменилась, — голос становится низким, почти не разбираю слов. — Я, конечно, понимаю, что уволился из университета, когда ты была на первом курсе, но чтобы не вспомнить заместителя декана… ай-яй!

В памяти всплывает образ щупленького паренька в очках, который вечно носил деловые костюмы на размер больше. Глядя на статного мужчину передо мной, эти два образа никак не складываются у меня в голове. Да и шрама на лице у замдекана не было. Вряд ли бы такую деталь я забыла.

— Вижу по глазам, начинаешь вспоминать, — он хмыкает и, скорее всего, хочет добрее улыбнуться, но ухмылка становится еще более хищной. Если такое возможно. Из-за нее у меня волосы на руках встают дыбом.

— Да, простите, — мой голос звучит слабо. Скольжу взглядом по улице. Людей замечаю только на противоположной стороне. — Мы очень давно не виделись.

— Это да, — мужчина хмыкает, а я пытаюсь вспомнить, как его зовут. Петр? Павел! — Может, поужинаем вместе? Вспомним прошлое?

Эм… Идти с ним никуда не хочется, но желудок, который скручивается из-за голода, напоминает о себе. А Павел, судя по приподнятой бровке, не собирается оставлять меня в покое, поэтому снова осматриваюсь. Вижу кофейню в соседнем здании за спиной Павла.

— Давайте кофе выпьем? — спрашиваю неуверенно.

Павел прослеживает за моим взглядом, после чего, нахмурив брови, смотрит на меня.

— Не лучше ли нам пойти в нормальное место? — в голосе мужчины столько презрения, что невольно огонь отвращения разгорается у меня в груди.

— Простите, я устала. Могу предложить только вариант с кофе, либо нам стоит встретиться в другой раз. Может, у меня в офисе? В рабочее время? — сильнее сжимаю ручки сумки, готовая ей защищаться в случае чего.

Не понимаю, откуда берется плохое предчувствие, но оно меня не оставляет с того момента, как я увидела глаза мужчины, смотрящие на меня через лобовое стекло.

Павел бросает на меня гневный взгляд, но быстро скрывает его под маской безмятежности.

— Хорошо, выпьем кофе, — он чуть сдвигается и указывает рукой в сторону кофейни, пропуская меня вперед.

Набираю в грудь побольше воздуха и иду к пешеходному переходу. Слышу звук сигнализации автомобиля, а затем глухие шаги. Как только подхожу к окончанию тротуара, загорается «зеленый человечек», поэтому мне не приходится останавливаться, пока не добираюсь до стеклянной дверцы кафе. По пути через окно замечаю «теплую» обстановку: круглые деревянные столики, кожаные бежевые диванчики и горящие свечи, стоящие на подоконниках.

Не дожидаясь Павла, открываю дверь. Людей в кофейне удивительно много, почти все места заняты. Две девочки-официантки в цейтноте, поэтому самостоятельно выбираю один из свободных столиков недалеко от входа и сажусь спиной к двери.

Павел занимает противоположный диван, закидывает руку на спинку и осматривается. Задерживает взгляд на меню, висящем за барной стойкой напротив нас, и кривится.

— Вы со мной что-то хотели обсудить? — перехожу сразу к делу, наблюдая за официанткой в фирменной белой футболке с большой чашкой кофе на груди и волосами, собранными в гульку.

— Слышал, ты училась за границей, — Павел вынимает телефон из кармана брюк и кладет его на стол. Экран загорается, но мужчина не реагирует. — Как же тебя муж отпустил от себя так далеко и надолго?

Намек в голосе Павла несложно уловить, поэтому я стискиваю челюсти и силой заставляю себя разжать пальцы, отпустив ручку сумочки, которую поставила рядом.

К столику подходит официантка и кладет два картонных меню перед нами. Хочет сразу уйти, но Павел окликает ее, заказывая американо без сахара. Я выбираю капучино и сэндвич с курицей. Желудок снова болезненно сжимается.

Официантка убегает к другому столику, оставляя нас с Павлом одних. Я же чувствую пронзительный взгляд мужчины на себе, поэтому стараюсь смотреть куда угодно, только не на него. Если честно, вид на соседнее здание интересует меня намного больше. Свет горит только в холле и нескольких окнах в районе двадцатого этажа. Примерно там, где находится наш офис.

Мысли о проекте возвращаются ко мне. Вот только сразу же исчезают, когда я слышу знакомый, напоминающий карканье смех. Медленно возвращаю взгляд в кофейню, скольжу им по посетителям, пока в углу не нахожу блондинистую макушку.

Лика сидит спиной ко мне, а напротив нее улыбается миловидная брюнетка в черном пиджаке. Наверное, ее я видела в офисе.

— Паша вызывает Дашу, — Павел щелкает пальцами перед моим лицом.

Столь пренебрежительный жест в сочетании с любовницей мужа заставляет меня выпалить первое, что приходит в

голову:

— Правильно ли я понимаю, что это вы представили проект Николая Петровича в качестве своего?

Улыбка сползает с лица Павла, но быстро возвращается на место.

— Давай не будем говорить о работе сегодня, — он ставит локти на стол и переплетает пальцы. — Тем более, бизнес есть бизнес, в нем всякое случается.

Поджимаю губы, пытаясь погасить желание высказать Павлу все, что думаю о его «всякое случается». Нужно сначала понять, что он от меня хочет.

— Тогда о чем же вы хотите со мной поговорить? — вздергиваю бровь.

Павел не успевает ответить — официантка приносит кофе и говорит, что сэндвич будет чуть позже.

Я обхватываю горячую чашку руками и сразу же отпускаю, когда нагревшаяся керамика обжигает ладони.

— Расскажи о себе, об учебе в Лондоне, вообще о жизни, — Павел пожимает плечами, к своему кофе не притрагивается.

Я хмурюсь, всматриваясь в лицо мужчины. Он серьезно?

— Прошу прощения, — беру чашку за ручку, но не решаюсь сделать глоток, чувствуя голодное подташнивание. Сначала нужно что-то съесть. — Не думаю, что мы достаточно знакомы.

Выискиваю взглядом официантку. Она как раз ставит за-

каз на соседний столик. Поворачивается, ловит мой вопросительный взгляд и пальцами показывает «две минуты». Киваю.

— Так я как раз предлагаю познакомиться поближе, — Павел тянется через стол и накрывает мою руку своей. Вздрагиваю.

Аккуратно вытаскиваю пальцы, чувствуя себя максимально неловко.

— Хм, простите, мне нужно в уборную, — хватаю сумочку, подрываюсь с места, осматриваюсь. Замечаю деревянную дверь рядом с баром, на которой прибиты золотые металлические буквы WC. Иду к ней, пока Павел не опомнился.

Узкое помещение, покрытое бежевой плиткой, с широким зеркалом над длинной раковиной и тремя кабинками, встречает меня ярким светом. Прохожу внутрь, вешаю сумку на сгиб локтя. В зеркале замечаю, как у меня под глазами залегли тени, а кожа посерела. Нужно больше спать. Вот закончу проект…

Включаю холодную воду, умываюсь и захожу в первую кабинку. Едва успеваю закрыться, как слышу шаги, а после них звук открывшейся двери.

— А что с новым дизайном? — этот голос с ноткой приторности невозможно не узнать.

Замираю с ладонью на дверной ручке. Стараюсь даже не дышать. Шаги становятся громче, а потом останавливаются.

— Понятия не имею, — вторая девушка фыркает. — К

проекту отеля никого не допускают. А ты чего спрашиваешь?

Раздается звук разъехавшейся молнии и шуршание. Легкие начинают жечь, и я еле слышно выдыхаю.

— Да так, просто любопытно, — Лика добавляет в голос нотку беззаботности, но я слишком хорошо ее знаю, чтобы понять, что это все напускное. — Я тоже веду его. Хотелось бы знать, стоит ли новый дизайнер своих денег?

До меня доносится два синхронных смешка.

— А тебе ли не знать, вы же подругами вроде были? — ехидный голосок подружки Лики вызывает во мне дрожь раздражения. Стискиваю ручку двери, борясь с желанием выйти и надавать кому-то сумкой по голове.

— Как были, так и сплыли, — ухмылка слышится в голосе Лики. — Но, если честно, она еще во времена студенчества была так себе специалистом. Вряд ли «заграница» ее изменила. Зря тебя с проекта не сняли.

Кто-то включает воду, что скрывает мой шумный вдох.

— А почему ее вообще наняли? Неужели Николай Петрович так сильно любит свою невестку?

Истеричный смех Лики наполняет комнату. Я закатываю глаза.

— Недолго ей оставаться «невесткой», — шипит она, прекратив смеяться.

Прикрываю глаза, стараюсь размеренно дышать.

— Глеб все-таки решил развестись с блудной женушкой?

— хихикает подружка Лики. Вода выключается.

Мне приходится прикусить щеку. Сердце стучит громко, и я поражаюсь, как сплетницы его не слышат. Но, видимо, они слишком сильно заняты перемыванием моих костей.

— Да, Глеб скоро будет свободным человеком, — голос Лики звучит слишком близко, и я напрягаюсь. Но сразу же выдыхаю, когда слышу звук открывшейся двери, а после этого раздается журчание. — Не понимаю, почему он столько тянул с разводом. Они уже давно разошлись.

До меня снова доносится скрип двери, стук каблуков и звук включившейся воды.

— Ну да, тем более теперь вы вместе… — елейный голос подружки заставляет мою грудь болезненно сжаться.

Лика не отвечает, но ее молчание звучит громче любых слов. Я сильнее впиваюсь зубами в щеку. Ладонь, лежащая на ручке, потеет и едва не соскальзывает.

— Ты сейчас куда? — раздается голос Лики, когда выключается вода.

— Домой. Аркадий, козел, завтра в девять утра требует от меня дизайн-проект загородного дома. Придется ночью его доделывать, — подружка разочарованно стонет.

— А разве ты не должна была сдать его только через две недели? — Лика вздыхает с фальшивым удивлением.

— Должна, — подружка устало бормочет. — Аркадий намекнул, что раз с меня сняли «отель», то я могла бы ускориться. Но зная его, это был вовсе не намек.

— Он такой «зверь» в работе, как все говорят? — Лика кажется заинтересованной. — Ты готова?

— Да, пошли. И он хуже.

Раздаются шаги, а я чувствую, как силы покидают меня. Сажусь на сиденье унитаза, ставлю локти на колени и кладу голову на ладони. Почему я не могу спокойно реагировать на присутствие Лики? Каждый раз будто сдуваюсь. От меня остается только оболочка.

Мысли мечутся одна за другой. Не могу соединить их во что-то связное, пока…

Подрываюсь, ловя озарение. Лика не просто так спрашивала о дизайне. Это не может быть совпадением!

Выбегаю из туалета. Останавливаюсь у бара. Осматриваюсь, но Лику нигде не вижу. Черт! Если бы я за ней проследила, то могла бы узнать что-то полезное.

Зато Павла замечаю сразу. Он сидит за тем же столиком и прожигает меня гневным взглядом. Вот его мне сейчас не хватает…

Обреченно вздыхаю и направляюсь к столику, но не сажусь.

— Павел, прошу прощения, я действительно очень устала, — смотрю ему в глаза, поэтому отчетливо вижу, как они наполняются льдом. — Давайте встретимся в другой раз. Доброго вам вечера.

Разворачиваюсь, надеясь уйти до того, как мужчина успеет меня остановить. Делаю всего шаг и чувствую, как кольцо

из пальцев сжимается на моем запястье.

— Мы не договорили! — Павел поднимается, до боли сжимает мою руку.

Я бросаю на него испуганный взгляд, еле сдерживаю стон. Рука начинает отниматься, а мужчина смотрит на меня озлобленно. Любезности в нем больше нет. Дергаю руку, пытаясь избавиться от хватки, но она становится только сильнее, а в глазах Павла появляется опасный блеск.

— Отпусти мою жену!

Глава 13

Глеб выходит вперед, не отрывая пристального взгляда от Павла. Я вижу только профиль мужа, но этого достаточно, чтобы понять — он в бешенстве. Глеб хватает запястье Павла. Дергает, вырывая мою руку из причиняющих боль пальцев.

Я сразу же отшагиваю назад, поглаживая саднящую кожу, а Глеб загораживает меня собой.

— Мы всего лишь разговаривали, — не вижу лица Павла, но что-то подсказывает мне, что он усмехается.

— Не нужно держать меня за дурака, Павел Александрович, — Глеб засовывает руки в карманы, всем видом демонстрируя пренебрежение. Но его плечи остаются напряженными, показывая, что муж в любой момент готов ринуться в бой. — Кстати, надеюсь, ваши юристы не будут затягивать с ответом на отправленную мною претензию. Иначе в скором времени нам придется встретиться в суде. Всего вам доброго!

Глеб разворачивается, берет меня за руку, переплетает наши пальцы и идет на выход. У меня не остается выбора, кроме как последовать за ним. Мы, итак, привлекли слишком много внимания. Посетители не отказали себе в удовольствии понаблюдать за сценой, выглядящей со стороны как разборки в любовном треугольнике. Хорошо еще, Лика ис-

чезла до появления Глеба. Только «квадрата» не хватало для полного счастья.

Бросаю взгляд через плечо и сразу встречаюсь с темными глазами Павла. В них читается обещание о скорой встрече, хотя сам мужчина молчит. По позвоночнику бежит дрожь, и я отворачиваюсь.

Глеб выводит меня на улицу, но не останавливается. Вытаскивает из кармана брюк ключи, нажимает на кнопку. Фары одной из припаркованных вдоль тротуара машин моргают, и до меня наконец доходит, что Глеб собирается сделать. Торможу пятками. Пытаюсь выдернуть руку. Но вместо того чтобы отпустить меня, Глеб разворачивается, подхватывает меня на руки и выпрямляется. От шока теряю дар речи. Быстро прихожу в себя, когда понимаю, что Глеб несет меня к машине. Машу ногами. Дергаюсь. Выгибаюсь. Глеб на мгновение расслабляет руки, и этого хватает, чтобы я не только прекратила сопротивляться, но и вцепилась в его шею.

Муж быстро доходит до машины, пытается открыть пассажирскую дверцу со мной на руках, но у него не выходит ничего путного. Поэтому ему приходится меня отпустить.

— Я никуда с тобой не поеду, — пытаюсь вывернуться из рук мужа, стоило вновь оказаться на ногах. Вот только мне не удается даже на пару миллиметров отодвинуться, потому что Глеб прижимает одной рукой к себе, а второй спокойно открывает дверцу.

Лишь после этого он встречается с моим гневным взглядом.

— Либо ты сама сядешь, либо я тебе помогу, — полурычит Глеб, его глаза пылают яростью.

Хмурюсь, не понимая причины его злости, но спорить с ним в таком состоянии не решаюсь. Не сомневаюсь, что он выполнит свою угрозу.

Поэтому поджимаю губы, разворачиваюсь и забираюсь в машину. Едва успеваю устроиться на сиденье, как дверца за мной захлопывается. Я бы могла, конечно, рискнуть выбраться из машины, пока Глеб обходит ее, но что-то мне подсказывает — муж меня просто так не отпустит. Поймает… а что будет дальше, даже страшно представить. Я никогда не видела Глеба в таком состоянии. Он сейчас напоминает того мужчину, который зажал меня в коридоре отца после моего возвращения. Только на этот раз его ярость в разы сильнее. Он словно балансирует на обрыве, и одно лишнее слово может столкнуть его вниз. Вот только почему-то мне кажется, что Глеб потянет меня за собой.

Поэтому, когда муж занимает водительское место, я пристегиваюсь и напряженно наблюдаю за тем, как он отъезжает от здания. Не решаюсь спросить, куда мы едем. Сижу рядом, вцепившись в ручки сумки, и боюсь лишний раз вздохнуть.

Только минут через десять, которые, на мой взгляд, длятся вечность, узнаю дорогу, ведущую к дому моих родителей. Еле слышно выдыхаю. Подавляю желание застонать, когда

напряженные мышцы плеч расслабляются. Откидываюсь на сиденье. Замираю.

Стараюсь не смотреть на Глеба, но все равно краем глаза улавливаю, как крепко он сжимает руль — до побеления костяшек. Хорошо, хоть не пытается выдавить педаль газа в пол, чтобы хоть направить злость в скорость. Просто встраивается в поток машин и спокойно едет. Только когда нам то и дело приходится останавливаться на светофорах, барабанит по рулю большими пальцами.

Машин ночью не так много, как днем, да и живу я очень недалеко от офиса Николая Петровича, поэтому добираемся мы где-то за полчаса. Глеб останавливает машину у моего подъезда, но когда я отстегиваю ремень безопасности и дергаю за ручку, то слышу характерный щелчок — машина блокируется.

Делаю глубокий вдох, после чего протяжно выдыхаю. Сжимаю крепче сумку. Медленно поворачиваюсь.

Глеб прислонился к спинке сиденья. Его глаза закрыты. Грудь размеренно поднимается и опускается. Лишь кулаки, лежащие на бедрах, выдают напряжение.

— Открой дверь, пожалуйста, — произношу тихо, но все равно чувствую, как мой голос дрожит.

Глеб не отвечает. Только сильнее стискивает челюсти, его дыхание становится чаще. Осматриваюсь — как назло, во дворе никого нет. Зато почти во всех окнах горит свет. Если я закричу, кто-нибудь услышит?

— О чем ты думала, когда пошла на встречу с Павлом? — Глеб говорит тихо, но в каждом слове слышится надрыв. Словно муж сдерживается из последних сил.

Свожу брови у переносицы. Пытаюсь понять, в чем проблема. Но такое чувство, что некоторые нюансы ускользают от меня. В любом случае, какое Глебу дело, с кем я встречаюсь?

— Я могу делать все, что захочу, — озвучиваю свои мысли, пытаюсь говорить твердо, но голос, предатель, дрожит.

Глеб распахивает глаза. Быстрым движением отстегивает ремень безопасности. Нависает надо мной, упираясь одной рукой в приборную панель, другой — в подголовник моего кресла. Жмусь спиной в дверцу. Вглядываюсь Глебу в глаза, вижу в них пылающую тьму.

— Не можешь, ты моя жена, — шепотом произносит он, но слова наполнены такой яростью, что, кажется, вот-вот сожгут меня.

Чувствую, как страх ползет мурашками по позвоночнику, но не могу позволить ему овладеть мной, поэтому сглатываю ком в горле и тихо говорю:

— Я уже утром тебе сказала: «ненадолго».

Глеб резко сокращает расстояние между нами. Чувствую горячее дыхание на своих губах. В карих глазах вижу блеск. Узнаю его. Он появляется, когда муж принимает вызов. Неважно где: в зале суда или в личной жизни.

— А я тебе говорил, что просто так ты от меня не изба-

вишься, — произносит он хрипло, опуская взгляд на мои губы.

Из меня выбивает весь воздух. Сердце, которое и без того колотится как бешеное, ускоряется. Слышу его отголоски в ушах. Втягиваю в себя воздух. Моментально понимаю, что зря — аромат духов Глеба наполняет легкие. Терпкость с ноткой перчинки окунает в воспоминания о днях, когда мы были вместе. Глеб не прикасается ко мне, но я чувствую его руки на своем теле. Не целует меня, вот только губы горят. Я словно возвращаюсь в моменты страсти, когда рассудок покидал тело, отдавая власть бурлящим чувствам, которыми управляла любовь.

Образ Лики возникает перед глазами. Ее взгляд, наполненный превосходством, прожигает меня даже сквозь теплые воспоминания. Он стирает все хорошее, что было между нами с Глебом, оставляя только острые осколки прежней любви, которые впиваются в сердце и причиняют невыносимую боль.

— А как же Лика? — вздергиваю бровь и упираюсь ладонями в грудь Глеба. — Хочешь сказать, что ты сейчас не с ней? — толкаю.

Глеб всматривается в мои глаза. Наверное, в них отражается вся боль, которая пронзает меня изнутри. Осколки ранят не только сердце, они успели исполосовать мою душу. Раны, которые недавно затянулись, вновь открываются.

Толкаю Глеба снова, на этот раз он поддается. Отодвигает-

ся от меня, садится ровно в кресле. Смотрит в лобовое стекло, крепко сжимает челюсти и дышит через раз.

— Знаешь, чего я не понимаю? — говорю еле слышно, но тишина помогает словам не потеряться. — Почему ты до сих пор с ней. Ты же знаешь правду.

— Так нужно, — Глеб поворачивает голову и немигающе смотрит на меня. — Я тебе все объясню, но позже.

— Позже? — возмущение расцветает в груди. — Серьезно?

Бегаю взглядом по лицу мужа, но не замечаю ни единого признака, что он решил подшутить надо мной или поиздеваться.

Резко выдыхаю.

— И после этого ты смеешь предъявлять претензии, что я согласилась на встречу с Павлом? — наощупь нахожу ручки сумочки, сжимаю их.

— Это другое, — цедит сквозь стиснутые зубы Глеб, черты его лица заостряются.

— Конечно, другое! — вскрикиваю. — Я согласилась на невинный кофе, а ты с Ликой спишь! — силы, которые придал мне гнев, моментально покидают тело. Судорожно выдыхаю. — Скажи, ты не мог выбрать кого-то другого? Вокруг столько женщин. Если тебе нужно было «удовлетворить потребности» или что там вами, мужчинами, движет, ты бы мог найти кого-нибудь, кто не разрушал наш брак, — глаза наполняются слезами, и я отворачиваюсь. Не хочу показы-

вать ему, как сильно он и его поступки ранят меня.

— Даша, — краем глаза замечаю, что Глеб тянется ко мне. Отшатываюсь.

Рука Глеба замирает над моим коленом, а потом вовсе исчезает.

Вместо того чтобы испытать облегчение, грудь еще сильнее сжимается от боли.

— Открой дверь… — голос скрипит от сдерживаемых слез, — … пожалуйста.

Чувствую на себе пронзительный взгляд. Он проникает под кожу. Забирается внутрь меня, пытается найти что-то во мне, но вызывает лишь агонию. Всхлипываю. Закрываю рот ладонью, чтобы заглушить звук. Поздно. Зато другим не позволяю вырваться. Вот только слезы сдержать не получается — щеки быстро становятся влажными.

Щелчок открывшейся двери раздается неожиданно, но звучит как благословение. Хватаюсь за ручку. Открываю дверь, но сразу же замираю, когда ставлю ногу на асфальт.

— Знаешь, у меня остался еще один вопрос, — не смотрю на Глеба, но все еще чувствую его взгляд на себе. — Если ты два года назад не изменял мне с Ликой, то где был две недели, пока я ждала тебя у нас дома? Я пыталась с тобой связаться, а ты так и не ответил.

Глава 14

Жду. Жду так долго, что холод ночи проникает под одежду. Облепляет тело, забирается внутрь. Меня трясет, кожа леденеет, как и сердце. Оно бьется все медленнее и медленнее. Его звука почти не слышно из-за свиста ветра, который подхватывает волосы, обдувает лицо. В какой-то момент кажется, что даже заглушает слова, произнесенные Глебом. Но я быстро понимаю, что это иллюзия. Ответом на мой вопрос служит лишь молчание. Молчание, которое оглушает. Молчание, которое подпитывает холод внутри. Молчание, из-за которого я замерзаю.

Выхожу из машины, захлопываю дверь и… просыпаюсь.

Солнце проникает через незавешенное окно. Лучи будто целятся в еще закрытые глаза. Натягиваю одеяло на лицо, но сразу же откидываю его к ногам. Открываю глаза. Белый натяжной потолок поблескивает из-за солнца, проникающего в комнату. Нахожу под подушкой телефон — полвосьмого. Нужно вставать.

Сон, который снится мне каждую ночь последние три дня, все еще крутится в мыслях, не желая покидать их. А может, это просто воспоминание? Все еще не верю, что Глеб промолчал. Как он мог не ответить на простой вопрос? Этот вопрос не дает мне покоя последние три дня.

Хватит! Глеб сделал свой выбор. А мне нужно жить даль-

ше. Тем более сроки сдачи проекта приближаются. Тяжело вздыхаю и сажусь на кровати, спуская ноги на пол. Ламинат холодит стопы, и я поджимаю пальчики. Поднимаю голову, сразу натыкаюсь на свое отражение в зеркале на дверце шкафа. Взлохмаченные рыжие кудряшки на фоне светло-зеленых обоев выглядят как языки пламени посреди просторного луга, но я даже не пытаюсь привести их в порядок. Сначала кофе. Я легла спать в три ночи, поэтому только «живительная жидкость» может спасти этот день.

Теплая пижама в клеточку не дает мне сильно замерзнуть, когда я захожу на небольшую, но светлую кухню, где окно открыто на «проветривание». Мама! Прохожу мимо деревянного прямоугольного стола с одной стороны и кухонного островка из той же коллекции — с другой. Закрываю окно, быстро тру плечи и открываю шкафчик, висящий на стене рядом с холодильником. Едва успеваю достать кофе, как слышу трель телефона. Бросаю пачку на столешницу и бегу в свою комнату.

Телефон до сих пор лежит на кровати. Подхватываю его как раз тогда, когда он замолкает. Но не успеваю открыть пропущенные, как звон раздается вновь. На экране высвечивается: «Аркадий».

— Доброе утро! Что-то случилось? — произношу, немного запыхавшись.

— Не очень доброе, — голос архитектора заглушает шум машин. — Проблема с поставщиками, которые должны были

доставить материалы для внутренней отделки. Как придешь на работу, загляни к финансистам. Они там что-то не могут согласовать.

— М-м-м, — перспектива встретиться с Ликой не очень радует, но выбора нет. — Ладно, сейчас только соберусь…

— Сразу иди к Светлане Леонидовне, — Аркадий читает мысли? — Николай Петрович поручил ей лично согласовывать все вопросы, связанные с дизайн-проектом. Наверное, потому что напряжение между тобой и Ликой можно было ножом резать, — хмыкает. — В любом случае, я уточнил. Она уже на работе. Иногда мне кажется, что она там ночует, — представляю, как мужчина закатывает глаза. — Короче, как только доберешься до офиса, обязательно забеги к ней и разберись, что не так. Если нужно расширить бюджет, то пусть сделает это. Я сегодня буду чуть позже. Хочу на объект съездить. Лично проверю местность.

— Х-хорошо, — кусаю губу, не понимая, смущаться ли, потому что ради меня заменяют сотрудника, либо облегчения будет достаточно.

— Как разберешься, набери меня. Если нужно будет, я сам вмешаюсь, — резко становится тихо, а я слышу хлопок дверцы. — Но надеюсь, что там ничего серьезного. Через сколько ждать звонка?

Отрываю телефон от уха и смотрю на время, прежде чем вернуть обратно:

— Мне нужен примерно час.

— Отлично. Тогда жду, — Аркадий отклоняет вызов, не попрощавшись.

***

Офис встречает меня тишиной. Неудивительно. Еще слишком рано. Рабочий день начинается только в десять, а сейчас еще девяти нет. Не заходя в свой кабинет, направляюсь сразу в административное крыло.

Кабинет финансового отдела находится рядом с конференц-залом. На мгновение задерживаюсь в коридоре. Глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, прежде чем нажать на ручку. Дверь открывается. Я захожу в небольшой кабинет с коричневыми стенами и четырьмя столами, стоящими по два друг напротив друга. Вот только все они пустые. Приподнимаю сумку, чтобы достать телефон, когда слышу:

— Дарья? — женский голос звучит из кабинета. Вот только откуда?

Поднимаю голову. Хмурюсь.

Лишь после еще одного беглого осмотра вижу неприметную деревянную дверь сбоку от окна, завешенного жалюзи. Направляюсь к ней. Каблуки туфель-лодочек стучат по паркету. На ходу снимаю бежевый плащ. Остаюсь в джинсах и заправленной в них белой рубашке. Вешаю плащ на сгиб локтя свободной руки, второй — сжимаю ручки сумочки. Захожу в небольшой кабинет, заставленный шкафами — их целых три: один рядом с дверью и два напротив. Сразу же встречаюсь глазами с темноволосой женщиной, сидящей за

компьютером. Она снимает очки, трет переносицу и откидывается в кресле, на спинке которого висит серый пиджак. Бордовая водолазка обтягивает крупное тело женщины, а ее губы превращаются в тонкую линию, когда она осматривает меня с ног до головы. Стол и стул для посетителей завалены множеством бумаг. Их даже больше, чем у Аркадия. Мне сесть некуда, поэтому остаюсь стоять в дверном проеме.

— Не знаю, зачем Аркадий прислал тебя. У нас есть согласованный бюджет, а поставщики, присланные вами, в него не вписываются, — женщина складывает руки на груди. — Вам нужно все переделать!

— Светлана Леонидовна, верно? — захожу в кабинет, останавливаясь напротив ее стола. — Подскажите, пожалуйста, в чем именно проблема? Мы решили заменить поставщиков в связи с неприятной ситуацией, которая сложилась с прошлым проектом. Нам нужны люди, которым мы можем доверять. Аркадий сам подбирал компании, которые никак не связаны с конкурентами, — стараюсь говорить размеренно, но все крепче сжимаю ручки сумочки.

Светлана Леонидовна фыркает.

— Неужели это настолько необходимо? — она садится ровно в кресле, локти ставит на стол, переплетает пальцы. — Меня уже заставили заменить финансиста. Но и новый их чем-то не устроил, пришлось часть обязанностей на себя взять, — Светлана Леонидовна красноречиво смотрит на меня.

Не поддаюсь на провокацию, только медленно выдыхаю.

— Я понимаю, что вам доставляет неудобство внесение корректировок в планы. Но вы всегда можете обсудить их со мной, — переминаюсь с одной ноги на другую, выдавливаю из себя улыбку. — Если мы с вами не сможем найти компромисс, то всегда можем обратиться к Николаю Петровичу, чтобы он разрешил спор.

Последнее, чего мне хочется — втягивать свекра в дрязги с коллегами, но я не могу не заметить пренебрежительное отношение руководителя финансового отдела. Не сомневаюсь, это Лика постаралась.

Светлана Леонидовна кривится, долго смотрит на меня, после чего отталкивается от стола и встает. Кусаю щеку, заставляя себя стоять на месте, пока женщина обходит стол. Она берет со стула бумаги и протягивает их мне.

— Я пометила пункты, которые перетягивают весь бюджет на себя. Попробуйте их с Аркадием заменить. Если не получится, посмотрим, чем компенсировать затраты.

Забираю бумаги и киваю. Светлана Леонидовна возвращается на свое место, садится в кресло и утыкается в экран компьютера.

— Я отправлю вам обоим бюджет, в который нужно попытаться вложиться. У нас, итак, больше затрат на этот проект, чем мы рассчитывали, — она кликает мышкой, а я не могу понять, это намек в ее голосе или у меня начинаются галлюцинации. — Вам, креативщикам, дай волю, так вы «накреа-

тивите» на разорение фирмы, — отрывает взгляд от экрана. — Что-то еще?

Ненадолго задумываюсь.

— Если у меня возникнут вопросы по бюджету, я теперь к вам могу обращаться? — на весу пытаюсь собрать охапку бумаг в аккуратную стопочку, но у меня плохо получается.

— Да, звони сразу мне. Мы с Николаем Петровичем договорились, — Светлана Леонидовна вздыхает. — Тем более, вряд ли вы с Ликой сможете общаться чисто профессионально.

— Тогда я пошла, — проглатываю поддевку, хотя она выходит за рамки профессиональной.

Светлана Леонидовна кивает, а я разворачиваюсь. Не успеваю выйти из ее кабинета, как улавливаю бормотание:

— Девки… Из-за мужика чуть карьеры свои не погубили.

Делаю глубокий вдох, подавляя желание высказать, что думаю о карьере Лики, полученной через постель. Быстро преодолеваю пространство второго кабинета, открываю дверь и с кем-то сталкиваюсь. Бумаги выскальзывают из пальцев, рассыпаются по полу и смешиваются с чужими. Не успеваю поднять голову, как слышу приторное:

— Следи, куда прешь!

Злость вспышкой застилает глаза. Стискиваю ручки сумочки, медленно поднимая голову.

Лика в синем вязаном платье, фасоном напоминающем то, которое я надевала пару дней назад, и волосами, завязан-

ными в конский хвост, прожигает меня надменным взглядом.

— А может, это тебе не нужно бежать впереди паровоза? Вдруг раздавят! — вздергиваю бровь, глаз от бывшей подруги не отвожу. Она тоже, похоже, не готова сдаваться. Подбородок немного опускается, а уголки губ приподнимаются.

Не знаю, сколько бы продлилась наша игра в гляделки, если бы не окрик Светланы Леонидовны:

— Лика, зайди ко мне.

Мы обе резко выдыхаем и садимся. Собираем документы. У меня получается определить, где мои, лишь благодаря тому, что бумага, на которой они распечатаны, чуть светлее. Иначе сортировка заняла бы вечность.

— Что ты там возишься? — слышу шаги сзади, когда на полу остается совсем немного бумаг.

Лика подхватывает парочку своих, остальные пренебрежительно отпихивает ко мне. Поднимается.

— Сейчас буду, Светлана Леонидовна, — говорит она слащаво, после чего понижает голос и шипит, — Уступи дорогу. Расселась тут.

Я подхватываю оставшиеся документы, но поднимаюсь нарочито медленно.

— Ты не знаешь правил приличия? Люди сначала выходят, а только потом заходят, — плечом отталкиваю Лику и выхожу из кабинета, не без удовольствия замечая, как бывшая подруга пошатывается.

Не задерживаюсь, чтобы понаблюдать за явной растерянностью, которая отразилась на лице Лики. Иду ровно, с гордо поднятой головой, пока не добираюсь до своего кабинета.

Открываю дверь, включаю свет и только когда кладу документы на стол, опускаю плечи, выдыхая. Но ненадолго. Замечаю, что среди бумаг затесался листок чуть темнее остальных. Черт! Мне сегодня еще одной встречи с Ликой только не хватает. Но выбора не остается. Вытаскиваю листок, собираюсь с силами и уже хочу вернуться в финансовый отдел, когда опускаю взгляд.

Мне нужно всего мгновение, чтобы осознать написанное. Перечитываю снова. Откуда у Лики коды цветов, использующихся в предыдущем проекте, если она им не занималась до моего прихода?

Осознание приходит мгновенно. Это, конечно, может быть просто совпадением. Вдруг Лике понадобились коды, чтобы сравнить стоимость отделки с предыдущим проектом? Но ведь финансовым обеспечением дизайн-проекта занимается Светлана Леонидовна, или я ошибаюсь? Мысли прыгают с одной на другую. Кусаю губу. Хожу туда-сюда по кабинету. Не могу понять, что мне делать. Вдруг я чего-то просто не знаю? Может быть, Лика ничего такого не имела в виду? Вот только после услышанного в туалете кофейни осознаю, что новую информацию нельзя оставлять без внимания.

Руки трясутся, сердце колотится, пока я пытаюсь сообра-

зить, что делать. Крепко сжимаю листок в пальцах, снова пробегаюсь по нему взглядом и понимаю, что могу всего одному человеку доверить свое предположение.

Глава 15

Залезаю в сумку, нахожу в ней телефон и набираю номер. Короткие гудки раздаются почти сразу. Звоню снова. Брат опять сбрасывает вызов. Пишу ему сообщение, что нам срочно нужно поговорить. Получаю мгновенный ответ: «Я занят. Перезвоню позже».

Бросаю взгляд на время. Еще целый час до начала рабочего дня. По идее, должна успеть. Засовываю бумагу в сумочку и выбегаю из кабинета.

По пути в офис брата набираю Аркадия и пересказываю наш разговор со Светланой Леонидовной. Архитектор скрипит зубами и, кажется, приглушенно матерится. Но соглашается пересмотреть материалы. Главное, чтобы их качество было соответствующим.

Здание, в котором находится офис брата, встречает меня огромными белыми бетонными блоками и светоотражающими окнами. Но я не задерживаюсь, чтобы понаблюдать за бликами, играющими на стеклах, сразу же захожу в большой светлый холл, в котором находится мини-кофейня, уголок для переговоров с диванчиками и деревянными столиками, а также небольшой сад с множеством растений в горшках.

Пересекаю холл и направляюсь к лифту. Металлические дверцы сразу разъезжаются. Из кабинки с шумом выходят люди в строгой одежде. Они переговариваются между собой,

смеются и идут к станции с кофе, я же захожу внутрь. Нажимаю на кнопку двенадцатого этажа, поднимаю голову и вижу, как девушка с растрепанными русыми волосами в длинном черном пальто бежит к лифту и машет мне руками. На одной из них болтается маленький кожаный рюкзак. Нажимаю на кнопку блокировки дверей, жду ее.

— Спасибо. Большое спасибо, — бормочет она, запыхавшись, когда становится рядом со мной.

— Не за что, — улыбаюсь. — Вам на какой? — тянусь к панели с кнопками.

— На двенадцатый, — протяжно выдыхает.

Ненадолго замираю, прежде чем убрать руку, ведь нужная кнопка уже горит. Створки лифта закрываются.

— Вы работаете в юридической фирме? — бросаю на девушку любопытный взгляд, отмечая, что на ней нет ни капли макияжа, только губы немного блестят, скорее всего, из-за гигиенической помады.

— Да, вы туда же? — девушка надевает рюкзак на плечо.

Киваю.

— Мой брат — один из соучредителей, — перевешиваю сумку на сгиб локтя, наблюдая за тем, как меняются цифры на панели — пять… шесть…

— Вы сестра Алексея? — девушка усмехается, когда я перевожу на нее удивленный взгляд. — Несложно догадаться, — ее улыбка становится шире. — По волосам. Алексей — прекрасный руководитель. Вообще, они оба хорошие. Глеб

Николаевич помог мне, когда я только заканчивала университет. Взял на работу, хотя никто не хотел нанимать неопытного юриста. Конечно, сначала я была младшим сотрудником, но это лучше, чем ничего. Особенно если учитывать, что до него мне почти на двадцати собеседованиях отказали. Зато сейчас я уже в суды хожу…

Створки лифта разъезжаются, и у меня по телу проносится волна облегчения. Я всегда знала, что Глеб — хороший юрист и человек тоже неплохой. Но слышать этому подтверждение от незнакомого человека немного больно. Ведь мужем он оказался так себе.

— Ладно, я должна бежать. Кстати, я Лена, — девушка протягивает мне руку, которую я пожимаю.

— Даша, — стараюсь улыбнуться дружелюбно, но не уверена, что выходит, потому скулы свело.

— Приятно познакомиться, — девушка выбегает из лифта и скрывается за поворотом быстрее, чем я успеваю моргнуть.

Вздыхаю и выхожу следом.

Небольшой тамбур с серыми стенами выводит меня в коридор с множеством однотипных темных дверей, на которых висят серебряные таблички с именами и должностями. Прохожу мимо них всех, пока не добираюсь до самого конца. Захожу в приемную брата и сразу встречаюсь с голубыми глазами секретарши, которая сидит за столом у двери начальника. Ее черный пиджак висит на подлокотнике, пара пуго-

виц белой блузки расстегнута у воротника, а волосы собраны в гульку на макушке.

— Доброе утро. Леша на месте? — направляюсь к девушке.

— Доброе утро. Алексей Викторович на встрече, — она с прищуром смотрит на меня.

— А будет скоро? — бросаю взгляд на часы за спиной девушки. Стрелки указывают на половину десятого.

— Сказал, что только после обеда. У вас что-то срочное? Я могу ему позвонить, — Лиза тянется к стационарному телефону, стоящему рядом с компьютером.

— Н-не надо, — мотаю головой, кусая губу, и переминаюсь с ноги на ногу. — А Глеб на месте, не знаешь? — оглядываюсь через плечо на приоткрытую дверь, через которую видно кабинет второго учредителя.

Перспектива встречи с бывшим мужем не радует, но информация действительно важная. Вот только не уверена, что Глеб воспримет ее правильно.

— Да, Глеб Николаевич у себя, — Лиза сохраняет профессиональный тон, но я-то помню, что она стала свидетельницей драмы, произошедшей совсем недавно между мной и мужем.

Стараюсь выбросить из головы сцену, как Глеб затаскивал меня в свой кабинет, но плохо получается.

— Как Леша появится, скажи, пожалуйста, ему мне позвонить, — бормочу, переводя взгляд на Лизу. — Хотя… не

надо, я сама ему напишу.

Открываю сумочку, чтобы достать телефон. На глаза попадается бумажка с кодами цветов. Черт… Я не могу это просто так оставить. Тем более, информация касается не рядового дела, а фирмы отца Глеба. Не может же муж от меня отмахнуться?

— Ладно, зайду к Глебу, если он не занят, — говорю больше для себя, но замечаю, как уголки губ Лизы ползут вверх, хотя она тут же натягивает безэмоциональную маску и утыкается в экран компьютера.

— Хорошего дня, — разворачиваюсь и слышу в ответ то же самое.

Каждый шаг к кабинету Глеба дается с невероятным трудом. Мне приходится себя уговаривать не свернуть и не пойти к лифтам, стоит мне оказаться в коридоре. Рука дрожит, когда я открываю дверь в приемную. Готовлюсь встретиться взглядами с секретарем мужа, но его нет на месте. Интересно, он хотя бы когда-нибудь появляется, учитывая, что я его всего однажды видела?

Ну, да ладно… это не мое дело.

На негнущихся ногах направляюсь к кабинету Глеба. Дверь приоткрыта, поэтому, задержав дыхание, бесшумно ее открываю и… вижу голую спину мужа. Бронзовая кожа вся покрыта мелкими выцветшими шрамами.

Сердце пропускает удар, глаза расширяются.

— Откуда? — произношу еле слышно.

Глеб резко поворачивается. Натягивает рубашку и застегивает пуговицы снизу вверх. Смотрит на меня пристально. В его взгляде нет ни намека на удивление, только любопытство. Краем глаза замечаю тянущиеся от плеча черные волны татуировок, но они быстро скрываются за белой тканью. Вот только я успеваю заметить еще кое-что — длинный горизонтальный и тоже побелевший шрам между ключицами, пока его не закрывает ворот рубашки.

— Заходишь или так и будешь стоять в дверях? — Глеб приподнимает бровь, прежде чем немного повернуть к себе крутящееся кресло и сесть на него.

Муж отодвигает на край стола другую рубашку. На ней расплывается коричневое пятно. Чашка из-под кофе лежит на боку на залитом блюдце. Странно, что на самом столе нет мокрых пятен, только несколько разводов. Хорошо, что ноутбук не пострадал. Он закрыт и стоит на другом конце стола, рядом с документами, уложенными в аккуратную стопку.

— Что с твоей спиной? — сильнее сжимаю ручки сумочки и перешагиваю порог кабинета, закрывая за собой дверь.

— Ничего серьезного, — отмахивается Глеб. В груди зарождается огненная волна возмущения, но она тут же сходит на нет, когда я слышу вопрос мужа, заданный вкрадчивым тоном. — Что тебя ко мне привело? — уголок его губ ползет вверх. — Не думал, что ты по своей воле захочешь оказаться рядом со мной.

— Я к брату заходила, — произношу на автомате и щу-

рюсь. Почему мне так сложно находиться с Глебом в одном пространстве? Тем более замкнутом. Раньше я не могла дождаться, чтобы оказаться с мужем рядом. А сейчас… хочется оказаться в каком-нибудь углу, лишь бы не чувствовать напряжение, сковывающее меня изнутри и не дающее сделать полноценный вдох. Приходится довольствоваться поверхностным дыханием и щекочущими спину капельками пота, когда я, прикусывая щеку, подхожу ближе к столу и сажусь на то же кресло, в котором узнала о смерти свекрови.

— Если честно, я по делу, — ставлю сумочку себе на колени, пытаясь ей хоть немного защититься от пронзающего взгляда.

— Я бы очень удивился, если бы ты пришла меня проведать, — Глеб хмыкает и оттягивает ворот рубашки, будто она его душит.

— Глеб, — вздыхаю и, не глядя, открываю сумочку, — не надо, ладно? Я, правда, не хочу ругаться. Не сегодня.

Выражение лица мужа становится серьезным. Он садится ровно в кресле и ставит локти на стол.

— Что-то случилось? — сузив глаза, смотрит на меня.

— Нет, — произношу, не подумав. — Да, — добавляю чуть тише, нахожу пальцами единственную бумажку в сумочке, аккуратно вытаскиваю, но Глебу не передаю. — Ты должен пообещать, что отнесешься серьезно к тому, что я скажу, — тяжело сглатываю.

Глеб вскидывает бровь, чуть склоняет голову к плечу и

сжимает челюсти.

— Говори, — бросает взгляд на бумажку в моих руках, но не двигается. Ждет.

Он явно изменился. Стал более сдержанным, что ли. Старый Глеб уже попытался бы выведать у меня всю правду. Новый же — просто постукивает пальцами по деревянной поверхности и не отводит пытливого взгляда от меня.

Делаю глубокий вдох. Кладу бумажку на стол и, приподнимаясь с кресла, пальцами пододвигаю ее к Глебу. Муж внимательно следит за моим движением. А когда я снова сажусь на свое место, поднимает бумажку и внимательно вчитывается в нее.

— Что это? — хмурится, бросая на меня взгляд поверх документа.

— Коды цветов, — отвечаю таким тоном, будто говорю о самой очевидной вещи в мире.

— И-и-и… — Глеб кладет бумажку обратно на стол и накрывает ее ладонью.

Кусаю губу, биение сердца отдается в горле. Тереблю ручку сумочки в пальцах, пытаясь хоть немного успокоиться.

— Это коды цветов из старого дизайн-проекта. Того, который слили, — опускаю взгляд на колени, прежде чем снова поднять его на Глеба.

Муж непонимающе смотрит на меня.

Пальцы дрожат, а сердце колотится в груди. Мысли скачут с одной на другую, желая найти нужные слова. Боюсь даже

представить, как отреагирует Глеб, когда я расскажу о своем предположении. Ведь оно касается его любовницы.

— Я случайно забрала эту бумажку у Лики, — меня бросает в холодный пот, воздух застревает в груди. — Коды, конечно, могли оказаться у Лики по разным причинам, но… — не могу договорить, дыхание словно заканчивается.

Мне становится так холодно, будто я не сижу в плаще в теплом помещении, а нахожусь где-то в Антарктике. Одна-одинешенька. Замерзающая и больше не ждущая спасения.

Сначала на лице у Глеба ничего не отражается. Глаза кажутся пустыми. Но через мгновение муж резко стискивает челюсти, хмурит брови. Взгляд становится свирепым, а глаза будто расширяются. Бицепсы под рукавами рубашки напрягаются.

— Не лезь в это! — рычит Глеб и сминает бумагу с кодами.

Глава 16

Не дышу. Смотрю на кулак мужа, из которого торчат края белой с серым оттенком бумаги. У меня внутри все холодеет. Осознание того, что он сделал, наваливается на меня, как снежная глыба.

Вскакиваю. Сумка падает на пол. Ее содержимое рассыпается, но я не обращаю на это внимания. Смотрю на Глеба, который, как ни в чем не бывало, бросает бумажку через плечо, и сжимаю кулаки.

Не могу поверить в то, что сейчас произошло. Глеб, которого я помню, ни за что бы не поставил любовницу выше семьи. Хотя я не только в этом ошибалась.

— Скажи, ты за два года сколько раз головой ударялся? — откидываю волосы, лезущие на лицо, назад, но непослушные пряди снова возвращаются и щекочут нежную кожу.

Глеб сильнее сужает глаза, на его лице играют желваки, прежде чем он предупреждающе тянет:

— Да-а-аша…

— Что Даша? — взмахиваю руками, делая шаг к столу. Раздается хруст, но я не обращаю на него внимания. Не отвожу испепеляющего взгляда от мужа. — Она настолько хорошо трахается, что тебе мозги отшибло? — упираюсь ладонями в стол.

Глеб тоже встает, но делает это так небрежно, с напуск-

ным спокойствием, что вызывает у меня еще больший гнев. Хочу обогнуть стол, толкнуть Глеба в грудь, а лучше заехать по голове чем-нибудь тяжелым, но словно к полу прирастаю, когда слышу:

— Ты переходишь границы.

Глеб произносит три слова так, будто ставит на место зарвавшегося сотрудника. От возмущения ловлю ртом воздух. Впиваюсь ногтями в ладони и… резко сдуваюсь.

— Знаешь, что? — опускаю плечи. — Я больше тебя не узнаю, — качаю головой, осуждающе глядя на мужа. — Леша уже подготовил документы на развод. Мне нужно только подписать у нотариуса отказ от доли в квартире. А дальше дело останется за малым.

Опускаю взгляд до того, как удается увидеть реакцию Глеба. Сажусь на корточки и начинаю складывать вещи обратно в сумку: кошелек, телефон, гигиеническую помаду…

Не обращаю внимания на быстрые, тяжелые шаги. Все, чего я хочу — уйти и перестать представлять Глеба в постели с Ликой. Зря. Муж хватает меня за плечо и тянет наверх. Вскидываю голову. Встречаюсь с его яростными карими глазами. Муж тяжело дышит и больше напоминает быка, которого специально раззадорили, чем человека, способного вести конструктивный диалог. Немного отросшая щетина и синяки под глазами подтверждают мои подозрения, что Глебу в последнее время не до сна. И я совсем не уверена, что виновата в отсутствии отдыха работа.

— Ты хоть понимаешь, что я пытаюсь тебя защитить? — муж цедит сквозь стиснутые зубы.

— Защитить? — дергаю рукой, но Глеб сжимает пальцы еще сильнее. До боли. Втягиваю воздух сквозь зубы, и хватка немного ослабевает. Но недостаточно, чтобы мне удалось от нее избавиться.

— Да, защитить, — спокойнее произносит муж, его взгляд немного смягчается. — Ты не представляешь, куда влезла.

— Я? Влезла? — мои брови взлетают вверх. — А не ты ли говорил, какой я сукой буду, если не помогу твоему отцу? — обидные слова до сих пор вызывают покалывания в груди.

Лицо Глеба снова ожесточается. Он недолго пристально смотрит мне в глаза, а потом опускает взгляд. Отступает на пару шагов и засовывает руки в карманы брюк.

— В любом случае, не вмешивайся. Просто закончи свою работу и уходи. Можешь даже в Лондон вернуться, если хочешь, но… — Глеб сильнее стискивает зубы. — Держись подальше от Павла. К Лике тоже не лезь. Я сам со всем разберусь.

Из меня выбивает весь воздух. Значит, меня в Лондон, а любовницу в постель, чтобы там с ней разбираться?

— А знаешь, что? — неверяще качаю головой. — Не пошел бы ты в задницу! — Брови Глеба взлетают вверх. — Я сама решу, от кого мне держаться подальше, а с кем, наоборот, сближаться. И любовницу твою, если она крыса, в покое не оставлю. Не хватало, чтобы она испоганила еще и мой про-

ект. А если ты хочешь с ней спать, мой тебе совет — предохраняйся, мало ли кого она еще трахает!

Во рту появляется горечь отвращения. Наклоняюсь, чтобы поднять сумочку, но замираю на полпути.

— Я не прикасался к ней с тех пор, как ты вернулась! — выпаливает Глеб.

Его взбешенный голос вызывает у меня дрожь. Медленно выпрямляюсь и заглядываю в лицо мужу.

Глава 17

— Ты серьезно? — не могу поверить в услышанное.

— Да, — отрезает муж, собирается подойти ко мне, но я выставляю руку перед собой.

— Не приближайся! — шиплю похлеще змеи. — Ты, похоже, действительно головой ударился. Не прикасался к Лике с момента моего возвращения, — взмахиваю руками от возмущения. — А до… До моего возвращения, сколько ты ее трахал? Все два года?

— Даша…

— Что Даша?! — повышаю голос. — Ты знал, что мы все еще женаты! Это для тебя вообще ничего не значит?

— Напомню, что ты сама решила поверить Лике на слово, когда она сказала, что я с ней спал. И уехала в свой Лондон, не выяснив правды! — Глеб сжимает кулаки.

— Больно ты правду искал, — дышу часто, порывисто. — Где ты был две недели, Глеб, пока я ждала тебя дома? Я так и не получила ответ на этот вопрос! Святошу он из себя строит.

— Только не говори, что ты святая! — Глеб делает шаг ко мне.

— По сравнению с тобой, да, святая! — отхожу назад.

— И что все два года ты хранила целибат? — голос мужа полон сарказма, пока он надвигается на меня.

— Не поверишь, — вторю его тону. — Но да, хранила. Не могла даже смотреть на других, так меня ранила твоя измена, — натыкаюсь спиной на стену.

— Так, я тебе не изменял, — Глеб нависает надо мной.

— Два года назад нет, а после? — встречаюсь с ним глазами.

В комнате повисает молчание. Холод стены не остужает жар, плавящий не только кожу, но и кровь. Глеб смотрит на меня пристально, его глаза застилает пелена. Узнаю ее сразу, потому что видела очень много раз. В горле появляется ком, который не получается сглотнуть, потому что во рту пересыхает.

— Так значит, ты все еще моя? — шепчет муж, поднимает руку и большим пальцем касается моей скулы.

Хватаю ртом воздух. Дрожу. Взгляда от темных глаз мужа не отвожу. Они будто гипнотизируют. Хочу оттолкнуть Глеба. Вырваться из его лап, но все, что могу — смотреть ему в глаза и тяжело дышать.

— Моя же? — он вскидывает бровь и кладет руку на мою шею.

Не сжимает, только держит. Но я прекрасно понимаю, что этим простым жестом он доказывает свою власть надо мной. Вот только…

— Больше нет! — с несвойственной мне свирепостью толкаю мужа в грудь. Глеб, не ожидавший такого подвоха, отхо-

дит на несколько шагов назад. Мне хватает расстояния, чтобы вырваться из плена. Немного отодвигаюсь в сторону. — Называй Лику своей! — цежу сквозь стиснутые зубы и бросаюсь к двери.

Вот только не успеваю добежать до нее, как грубые пальцы смыкаются на моем запястье, дергают. Лечу назад. Готовлюсь приземлиться на пятую точку, но Глеб подхватывает меня за талию. Тянет на себя. Вжимает в свое тело.

Чувствую его знакомую твердость. Замираю. Дышу через раз, ощущая огромные ладони на своем животе. Глеб скользит ими все выше и выше. Останавливается лишь тогда, когда большими пальцами касается груди. Дыхание мужа опаляет мое ухо. Аромат с перчинкой кружит голову.

— Нет, ты все еще моя, — шепчет он, прежде чем обхватить губами мочку уха.

Дергаюсь, как от удара. Но вырваться не получается. Глеб так сильно прижимает меня к себе, что у меня не остается даже шанса на освобождение. Глеб впивается зубами в нежную плоть, и у меня будто силы прибавляются.

— Нет, — мотаю головой. — Пусти меня. Пусти! — брыкаюсь, пытаюсь заехать пяткой мужу по голени, но постоянно промахиваюсь.

— Успокойся, — слышу рык сзади.

Он вызывает у меня бешенство. Начинаю сопротивляться сильнее: становлюсь мужу на ногу, ногтями царапаю его руки.

— Даша, — предупреждающе цедит он.

Впиваюсь ногтями сильнее. Приподнимаю ногу, чтобы посильнее наступить, заехать предателю пяткой, как он меня резко отпускает. Но не успеваю насладиться свободой. Глеб появляется передо мной. За плечи притягивает меня к себе и целует. Целует!

Силы испаряются. Ярость гаснет. Замираю с открытыми глазами. Не дышу. Тело немеет. Подушечки пальцев покалывает. Сердце, которое до этого билось с нереальной скоростью, пропускает удар.

Грубые пальцы до боли сжимают мои плечи. Скорее всего, оставляют следы. Горячий язык с привкусом горького кофе врывается в мой рот. Завладевает им только для того, чтобы сразу же покинуть. Твердые губы обхватывают мою нижнюю губу, посасывают. К ним присоединяются зубы. Клацают. Боль стрелой пронзает тело.

Оживаю.

Прерываю поцелуй. Отталкиваю мужа, заношу руку для пощечины, но Глеб перехватывает ее в последний момент.

Прожигает меня жестким взглядом. Смотрит бешено. Дышит тяжело. Его губы поджаты, черты заострены. Он сейчас больше напоминает зверя, чем человека. И я, скорее всего, выгляжу не лучше.

— Кхм… П-простите, — Лена, девушка, которую я встретила в лифте, застыла на пороге и во все глаза смотрит на нас. — Я-я с-стучалась, но вы, наверное, не услышали, —

она опускает взгляд в пол.

— Выйди, — рычит Глеб. — Мне нужно закончить разговор с женой!

— Я скоро перестану быть твоей женой! — выпаливаю и дергаю рукой. Бесполезно. — Пусти! — не помогает. — Мне больно.

Хватка Глеба ослабевает. Не сильно. Но достаточно, чтобы я смогла дернуть рукой еще раз и вырвать ее из цепких пальцев. Хочу сразу уйти, но вспоминаю про вещи, разбросанные по полу. Поэтому разворачиваюсь на пятках. Иду к столу. Опускаюсь на корточки. Сгребаю содержимое обратно в сумку. Встаю.

Собираюсь уйти, как Глеб преграждает мне путь. Поднимает руку, хочет дотронуться до моего лица, но замирает, когда видит мой наполненный ненавистью взгляд.

— Никогда больше не прикасайся ко мне, — произношу тихо, но голос полон силы. — У тебя для этого есть Лика.

Прежде чем муж успевает опомниться, огибаю его и иду к двери. Лену как ветром сдуло. Хорошо. Не нужно смотреть в глаза еще одному человеку, который стал свидетелем главной драмы моей жизни.

Выхожу из кабинета в коридор, молясь всем богам, чтобы Глеб не пошел за мной. Похоже, они меня услышали.

Лифт ждать не приходится. Створки сразу разъезжаются, когда я нажимаю кнопку. Захожу внутрь кабины, и лишь когда еду вниз, понимаю, что могу нормально дышать. Но

только до того момента, пока не звонит мой телефон. Дрожащими пальцами достаю его из сумочки. Сердце пропускает удар, когда вижу незнакомый номер. Пару мгновений раздумываю, чтобы не отвечать, но, в итоге, нажимаю на зеленую кнопку.

— Да? — с опаской подношу телефон к уху.

— Дарья Викторовна, — напряженный женский голос раздается в трубке. — Это Анна, помощница Николая Петровича. Ты срочно нужна в офисе. Тебя тут ждет гость.

Глава 18

Створки лифта раздвигаются.

Не успеваю переступить порог, как Николай Петрович оказывается передо мной, хватает за руку и вытаскивает в холл. После чего кладет ладони мне на плечи и сильно сжимает.

— Что хочет от тебя Павел? — шипит мне прямо в лицо, понизив голос.

Мимо нас проходит кто-то из сотрудников, но я замечаю лишь силуэт. Все мое внимание сосредоточено на свекре.

— Понятия не имею, — пытаюсь пожать плечами, но Николай Петрович так сильно надавливает на них, что не могу толком пошевелиться.

— Ты уверена? — свекор стискивает зубы. Киваю. — Тогда пошли, узнаем, — хватает меня за запястье и тянет в коридор креативщиков. Его спина, обтянутая черным пиджаком, слишком напряжена, а шаги настолько быстрые, что я едва успеваю за ним.

Мимо нас проходят две брюнетки в пальто со стаканчиками из-под кофе в руках. Они во все глаза смотрят сначала на начальника, пролетающего мимо них, а потом на меня. Улавливаю в их глазах нотку жалости, но, возможно, это мое воображение. Потому что мы с Николаем Петровичем в кратчайшие сроки оказываемся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.